

ВЕРСИЯ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

СТИВЕН ХАНТЕР

ВТОРОЙ
САЛАДИН

ТАЙНЫЕ ОПЕРАЦИИ ЦРУ

Стивен Хантер Второй Саладин

OCR Денис

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=159742

Стивен Хантер. Второй Саладин: Эксмо, Домино; Москва; 2007

ISBN 978-5-699-23845-3

Оригинал: Stephen Hunter, "The Second Saladin"

Перевод:

И. Тетерина

Аннотация

1982 год. Группа наркокурьеров при незаконном переходе границы между Мексикой и США расстреливает пограничный патруль. Сотрудники американских спецслужб обнаруживают на месте трагедии гильзы от «скорпиона», пистолета-пулемета, использовавшегося курдами во время секретной операции ЦРУ на севере Ирана по уничтожению курдских повстанцев. Тогда бесследно исчезли несколько секретных агентов, и вот теперь, ровно семь лет спустя, расследование инцидента на американо-мексиканской границе выводит на след одного из них. Тем временем в ЦРУ поступает информация, что на территорию США проник известный курдский террорист и целью его визита является месть бывшему госсекретарю США.

Содержание

Признательность	4
Глава 1	6
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	67
Глава 5	88
Глава 6	91
Глава 7	105
Глава 8	114
Глава 9	143
Глава 10	150
Глава 11	161
Конец ознакомительного фрагмента.	165

Стивен Хантер

Второй Саладин

Признательность

Автор хотел бы поблагодарить огромное множество друзей за помощь в подготовке рукописи. Майкл Хилл и Джо-зеф Фанцоне-младший щедро делились со мной своим временем и интересными идеями. Равно как и Чарлз Хазард, Джек Доусон, Уэйн Хенкель, Ричард Хейджман, Тимоти Хантер, Вирджиния Хантер, Том и Бонни Хэслер, Аллен Пикок, Ник Йенгич, Лен Миллер и Дэвид Петцель. Советы редактора, Марии Гурначелли, оказались, как всегда, неоценимыми, как и советы моего агента, Виктории Гуд Прайор. Моя жена, Люси, которой я и посвящаю эту книгу, взвалила на себя всю рутину и тем самым дала мне возможность писать каждый вечер; уже за одно это она заслуживает медали, не говоря уж о том, что ей причитается за то, что она меня терпит. Не забыть бы поблагодарить и трех друзей по писательской конференции «Брэд лоаф»: Энн Истман, Пейдж Эдвардс и Стива Кори, которые нянчились со мной на протяжении всех чтений.

И наконец, отдельное спасибо Маргарет Кан, Ханим, – автору «Детей джинна», одной из немногих американцев, ко-

торые встречались с курдами на их условиях, – за прочтение и замечания к рукописи.

Мы – самоотверженные борцы,
Народные герои,
Львы смутных времен.
Мы пожертвуем всем, что имеем,
Даже собственными жизнями,
Для освобождения Курдистана.
Наша месть обрушится
На головы виновных,
Тех, кто пытался
Уничтожить курдский народ.
Пусть это станет уроком
Бесчисленным поколениям,
Что будут жить после нас.

Гимн курдских повстанцев

Неужто в старых добрых Штатах
И впрямь еще остались ковбои?

Лэйси Дж. Далтон

Глава 1

Рейнолдо Рамирес, человек по меркам своего времени и окружения довольно преуспевающий, полагал, что разучился удивляться. Его широко расставленные темные глаза невозмутимо взирали на мир с невозмутимого смуглого лица – лица ацтека, индейца, крестьянина, бандита, ибо он являл собой все это сразу, – и ничто в его внушительной фигуре не выдавало ни способности изумляться, ни, если уж на то пошло, безрассудства, ни сострадания. Чего только не повидал он на своем веку: ему доводилось убивать в поножовщине и в кулачном бою, дважды получать пулю, четырежды – удар ножом. Трижды он был женат и нажил одиннадцать детей, из которых к настоящему времени в живых осталось семеро. Отсидел в трех тюрьмах шесть лет в общей сложности и в свои сорок четыре года твердо стоял на ногах и без опаски смотрел в будущее, как и подобало владельцу «Эль паласьо», бара и борделя на улице Буэнос-Айрес в мексиканском городке Ногалес у самой границы с Аризонай.

И все же, бог свидетель, Рейнолдо Рамирес был изумлен. Он сидел в «Эль паласьо» в обществе своего компаньона, вечно улыбающегося Оскара Месы, за неизменным первым столиком в сторонке от бара, и его одолевало ощущение, что привычный миропорядок трещит по всем швам. Однако он не подавал виду и все так же продолжал разглядывать чело-

века, стоящего перед ним.

Он был похож на типичного американца. Мускулистый. Загорелый. Горбоносый. В светлых голубых джинсах. За темными очками нельзя было уловить выражение его глаз, но чувствовалось, что он явно начинает терять терпение.

Впрочем... Было в нем нечто такое, что отличало его от обычных бесцеремонных, назойливых, говорливых и портящих воздух гринго – достоинство, которое Рамирес ценил в мире превыше всего, ибо с таким трудом взрастил в себе собственное.

– А почему бы вам просто не сделать два шага по улице и не пройти через пропускной пункт? – осведомился по-английски Оскар Меса.

Вести подобные переговоры входило в его обязанности.

– Это же проще простого. По десять тысяч раз на дню делается. Раз – и вы за границей. В распрекрасной Америке. Зачем докучать нам противозаконными предложениями?

Оскар с улыбкой обернулся к Рамиресу.

– А почему бы вам просто не ответить на мой вопрос? – спросил американец. Или якобы-американец.

Он был высок, волосы – светлые, выгоревшие на ярком солнце, да и глаза, подумалось Рамиресу, хоть и скрыты за темными очками, судя по цвету кожи, должны быть голубыми.

Соломенные волосы и голубые глаза – ну чем не американец?

– Оно опасное, – заметил Оскар, – это путешествие, которое вы предлагаете. Это будет стоить денег.

– У меня есть деньги.

– Так вы – человек богатый? Гм. Интересно, с чего бы богатому человеку...

– Ближе к делу.

Оскорбленный в лучших чувствах, Оскар отшатнулся. Он просто поддерживал разговор. Оскар всегда пытался поддерживать разговор.

– Ну ладно. Три сотни долларов, наличными. Кредитные карты не принимаем.

Довольный собственной шуткой, Оскар с улыбкой посмотрел на Рейнолдо.

– Две сейчас. Еще сотню завтра утром, когда уже будете в Лос-Эстадосе, целый и невредимый.

– Мальчишка сказал, что это обойдется в сотню.

– Мальчишки врут, – парировал Оскар Меса. – Это закон. Когда я был мальчишкой, я тоже врал. Все время, во всем.

Он снова рассмеялся.

– Забудьте, что наговорил вам этот мальчишка.

На лице якобы-американца не дрогнул ни один мускул.

– По-моему, вы недовольны, – заметил Оскар Меса. – Мы хотим, чтобы вы были довольны. Присаживайтесь. Оглянитесь, пропустите стаканчик, развлекитесь с девочками – у нас тут есть хорошенькие и не слишком дорогие, хотя вы утверждаете, что богаты. Обдумайте все как следует. Вам на-

до научиться расслабляться. Мы хотим, чтобы вы были довольны. Мы что-нибудь придумаем.

Лицо незнакомца за стеклами очков оставалось бесстрастным.

– Мне нужны гарантии.

– Жизнь слишком коротка, чтобы раздавать гарантии, – пожал плечами Оскар. – Может, нам поднять цену до четырехсот? До пятисот, тысячи? Мне начинает надоедать эта говорильня. Я не могу гарантировать то, над чем не властен, а я не властен над судьбой.

– Гарантии, – повторил незнакомец.

– Я сказал, никаких гарантий. Вы что, плохо слышите, мистер?

Рамирес наконец подал голос.

– Один раз из двадцати непременно попадешься, мистер. Такова статистика. Можно тридцать восемь раз проскочить, а потом два раза подряд загореться. А можно два раза подряд попасться, а потом тридцать восемь раз пронесет. Но один из двадцати... Тут я бессилен. Сам Господь Бог тут бессилен. Это закон.

– Мотайте себе на ус, мистер, – кивнул Оскар. – Это железный закон.

– Уберите отсюда этого недоумка, – приказал незнакомец Рамиресу. – Он вызывает у меня желание сделать ему больно.

– Вот я вам сейчас покажу «больно», мистер, – взвился

Оскар. – Пришью, пикнуть не успеешь.

– Нет, – вмешался Рамирес. – Уйди, Оскар. Принеси мне еще рома.

Оскар поспешил прочь.

– Он не слишком умен, – признал Рамирес. – Зато полезен в определенных вещах. Говорите, что у вас за дело.

– Вы ездите особым путем. Есть особый путь, который вы знаете. Высоко в горах. Отсюда к западу. По дороге, которая ведет к старому руднику – его забросили и больше не используют. Я не ошибся?

Этот якобы-американец говорил на почти английском языке. Вполне сносно, но не совсем чисто. Даже Рамиресу нет-нет да и резала слух случайная корявая фраза.

Рамирес ответил ему холодным взглядом.

– Вы ездите этим маршрутом, – продолжал между тем незнакомец. – Раз, бывает – два в год, в зависимости от... В зависимости от чего? В зависимости от луны, которой быть не должно. И в зависимости от наркотиков, которые вы переправляете через границу от семьи Хуэрра в Мехико и доставляете определенным американским группировкам. За каждую такую поездку вы получаете пятьсот американских долларов. А в последний раз вы получили от Хуэрра еще кое-какую сумму сверху, за то, что все прошло гладко. И еще я слышал, что священникам в вашей церкви не перепадает от вас ни доллара, потому что вы жадный человек.

Рамирес уставился на незнакомца. Он знал, что когда-ни-

будь этот миг придет. Появится человек, знающий достаточно, чтобы погубить его или закабалить навеки. Это могло означать лишь одно: он перестал быть нужным Хуэрра и они продали его. Или же полиция наконец...

– Прошлый раз был шестнадцатого января, – сказал незнакомец. – А следующий будет сегодня ночью, лунная она окажется или безлунная. И это железный закон.

Рамирес перевел дух.

– Кто вас послал?

– Никто меня не посылал.

– Откуда вы все это узнали?

– У меня есть друзья.

– Влиятельные люди?

– Весьма влиятельные. Весьма осведомленные в определенных областях.

– Надо было подойти ко мне и все объяснить. Вы – особый человек. Теперь я вижу.

Незнакомец ничего не ответил.

– Однако вам стоило бы поостеречься. Как бы кто-нибудь не пустил пулю вам в голову.

– О, такое возможно. Только как бы потом этого кого-нибудь не выследили и не пустили пулю в голову ему самому.

Рамирес попытался собраться с мыслями. Пришелец не заказывал выпивку, речь его не была бессвязной, он не походил на сумасшедшего. Он оставался совершенно хладнокровен и прекрасно владел собой. Таких людей Рамирес уважал.

Этого не так-то легко обмануть. Он не наделает ошибок. Он сам кого угодно заставит ошибок наделать.

– Ладно, – решил Рамирес. – Но вам это будет стоить дороже. Плата за расстояние, за повышенный риск, за угрозу моему бизнесу. Это нелегко – не то что нелегалов в Лос-Эстадос переправлять. Хотите гарантий – придется за них заплатить. Или обращайтесь куда-нибудь в другое место, к человеку, который перережет вам глотку в пустыне.

– Мне глотку никто не перережет. Сколько?

– Тысячу. Половину сейчас, половину потом.

– Да вы, ко всему прочему, еще и хапуга.

– Я деловой человек. Давайте, черт вас дери, раскошеливайтесь или проваливайте. Я сыт разговорами.

– Так и быть.

Незнакомец отсчитал купюры и протянул их Рамиресу.

– Встречаемся в одиннадцать. Там за канавой небольшая лавчонка, называется «Ла Аргентина». Будете ждать за ней на заднем дворе, где грузовики. Подъедет фургон. Завтра будете в Аризоне. Расплатитесь с человеком в Америке, а не то он сдаст вас пограничному патрулю.

Незнакомец кивнул.

– Если ничего не случится, – уточнил он.

– Ничего не случится. Я сам поведу этот чертов грузовик.

Незнакомец снова кивнул, потом развернулся и вышел.

Вернулся Оскар.

– Американская свинья, – сказал он. – Своими руками бы

прирезал.

Рамирес был бы не прочь взглянуть, как Меса пытается прирезать незнакомца. Но вслух ничего не сказал. Он утер лоб платком, от которого исходил аромат хурмы, сделал глоток рома из стакана, принесенного Оскаром, и огляделся по сторонам.

– Ты видел? – спросил он. – Даже шлюхи к нему не подошли.

Но теперь он хотя бы знал почему и полагал, что предстоящей ночью этот человек повезет с собой столько кокаина, что хватит всей Америке.

* * *

Высокий человек сидел на корточках во дворе за крошечной лавчонкой под названием «Ла Аргентина». Из канавы за «Эль паласьо» густо и тошнотворно разило уборной. Откуда-то доносился надрывный гитарный перебор, который так любят мексиканцы. В лужицах света вдоль мощенной булыжником улицы, взбиравшейся по холму, кучковались оборванные местные мужчины. Прошло еще несколько минут; во двор забрела шлюха с подвыпившим клиентом и устроилась неподалеку. Парочка принялась торговаться на английском и ломаном испанском. Последовавшее за этим совкупление продлилось едва ли несколько секунд.

Человек бесстрастно слушал. Двоица в бледном свете ме-

сяца возилась у стены лавки. Мимолетный вскрик – и все было кончено. Затем последовала новая перебранка. Наконец согласие было достигнуто. Женщина развернулась и презрительно зашагала прочь.

– Шлюха! – выплюнул ей вслед мужчина, как будто только что об этом догадался. Потом потащился следом.

Во двор въехал фургон, дважды помигал фарами.

– Эй! Ты где? – позвал толстый мексиканец.

Человек молча ждал.

– Черт тебя дери. Длинный! Гринго! Ты где?

Он вышел из своего укрытия.

– Здесь я.

– Матерь божья, я чуть с ума не сошел. В следующий раз не подкрадывайся так бесшумно.

– Не тяни время.

– Полезай назад. Там еще ребята. Бедняги, желающие поработать на дядю Сэма.

– Другие ребята?

– Просто не трогай их. Они тебя не знают и знать не хотят.

Человек покачал головой.

– Ехать два часа, – продолжал Рамирес. – Дольше, потому что не обычным маршрутом. Дороги плохие, ехать в гору. Но все будет в лучшем виде. Только не шуми.

Высокий сплюнул и полез в кузов фургона.

– Никакой полиции, – предостерег он.

Грузовичок катил по темным извилистым дорогам западных предместий Ногалеса. Постепенно между лачугами начали появляться просветы, потом строения стали попадаться все реже и реже, и фургон выехал из города в каменистую, поросшую чахлым кустарником пустыню. Дорога медленно пошла в гору и вскоре превратилась в проселок, ухабистый и разбитый.

Рамирес не раз уже наблюдал эту метаморфозу, и она давно не вызывала у него интереса. Мысли его были заняты тем человеком в кузове. При нем действительно оказался рюкзак, нечто вроде тюка. Там поместилось бы двадцать фунтов кокаина. Двадцать фунтов? Почти на миллион долларов. Рамирес сунул руку за пазуху и нащупал вороненую рукоять пистолета. «Кольт питон магнум», калибр 357, его любимый.

Мать божья, это же так просто.

– Поворачиваем? – спросил Оскар Меса.

– Нет.

– Прямо?

– Да.

– Рейнолдо, я...

– Прямо.

– Так мы уедем в горы. Я...

– Прямо, я сказал.

Рамирес протянул руку и включил радио. Он крутил ручку настройки, пока не поймал Тусонскую радиостанцию. Он оставил ее и задумался о Тусоне, невыразительном новом городе на равнине, со всех сторон окруженной горами. О городе денег, полном толстосумов-американцев, блондинок и плавательных бассейнов.

Так просто.

В ушах негромко звучала американская музыка. Шум в кабине стоял оглушительный. Рамирес надвинул свою ковбойскую шляпу на самый лоб, на глаза, прижался затылком к спинке сиденья, вытянул ноги и закинул одну на другую. Он грыз зубочистку и воображал себя доном, обладателем роскошного поместья на возвышенности в окрестностях Мехико, как у дона Хосе Хуэрра. Ему грезились светловолосые женщины и лошади.

Откуда все-таки он столько знает? И на кого работает?

Вот ведь в чем загвоздка. В трех-четырех предложениях этот незнакомец обрисовал самый тщательно оберегаемый секрет Рамиреса. Если ему известно о связи Рамиреса с семьей Хуэрра и о горной дороге в Америку, значит...

– Рейнолдо, я все вижу. Ты боишься этого гринго. Одно слово – и я прикончу его. Тебе не о чем беспокоиться.

– Крути баранку, тупица, – оборвал его Рамирес.

Оскар сегодня изрядно действовал ему на нервы. Пять лет назад, когда Рамирес его нашел, тот был таксистом и поставлял девочек американским студентам в Тусоне; теперь этот

недоумок возомнил себя его правой рукой. Рамирес сплюнул в окно.

– Фары. И не гони так.

– Да, Рейнолдо.

Фары погасли.

– Подфарники-то оставь, идиот.

Оскар немедленно включил слабые оранжевые огоньки.

Фургон покатил по ухабам дальше, и Рамирес достал пластинку жевательной резинки. Вскоре они выбрались на перевал. Далеко внизу виднелись два грузовичка: американский, маленький и хорошенький, и его брат, более крупный и менее аккуратный, неуклюже переваливающиеся через холмы. Огонь их фар был виден на много миль окрест. Рамирес был не из тех, кому нравится любоваться видами; сейчас он смотрел совсем в другую сторону.

– Вот она, – внезапно сказал он. – Мать божья, чуть не проглядел. Стар я стал для этого ремесла.

Оскар ударил по тормозам, и на один головокружительный миг фургон занесло на гравии. Рамирес метнул недобрый взгляд на идиота Оскара, который побелевшими пальцами сражался с рулем. Но грузовик не подвел. Рамирес вылез, чертыхаясь и кутаясь в куртку. Ну и холодрыга на этой верхотуре. У тех, что в кузове, нет пальто, они, должно быть, дрожат и жалуются на холод. А гринго?

Изо рта шел пар. Руками в перчатках Рамирес нашарил в кустах что-то туго натянутое, дернул и открыл грубые воро-

та, небрежно замаскированные ветками. За ними обнаружилась узкая дорожка, ведущая в сторону от главного проселка.

– Готово, – бросил он.

Фургон бочком протиснулся в ворота. Его повело и начало заносить. Оскар отключил сцепление, и автомобиль накренился, начал скользить под горку, окруженный тучей пыли; казалось, он вот-вот упадет. Но в конце концов машина очутилась на еще более узкой дороге и остановилась. Рамирес захлопнул ворота и спустился по склону вниз.

Фургон вновь продолжил свое головокружительное путешествие в темноте. Рамирес высовывался из кабины и следил за дорогой. Работенка была нелегкая. Дважды болван Оскар едва не погубил их всех, и лишь крик Рамиреса «Нет! Нет! Мать божья!» заставлял его затормозить в считанных дюймах от края пропасти. Это были игры для ребят помоложе, и сердце у Рамиреса гулко бухало. Однажды он даже сам вышел и зашагал впереди, остро чувствуя вздымающиеся вокруг темные пики, звезды, обжигаяще холодный ночной воздух и полумесяц, от вида которого ему становилось не по себе. Никогда еще он не видел этих мест в белесом лунном свете. Рейнолдо перекрестился и дал обет поставить свечу Деве Марии.

– Глуши мотор, – приказал он наконец.

Он выбрался из кабины и двинулся к дверям фургона.

Если он вообще собирается действовать, момент настал.

Мексиканец вытащил пистолет и открыл двери. В ноздри

ударил запах сбившихся в кучу тел.

– Идемте, ребятки. Ничто больше не стоит на вашем пути к американским денежкам, – пошутил он по-испански и отступил, глядя, как люди проворно выскакивают из фургона.

Они выбрались по одному – пятеро юнцов и мужчина постарше, дрожа на пронизывающем ветру. Рамирес ждал, не зная, как ему быть.

Он немного попятился и прошептал:

– Эй, гринго, выходи. Мы ждем. Тут не жарко.

Из фургона не доносилось ни звука.

– Эй? Ты что там, вывалился? Да что с этим *hombre*¹ такое, а?

Он заглянул в фургон, присмотрелся, пытаюсь различить...

Удар повалил его наземь. Не успел он подняться, как незнакомец набросился на него. Лезвие ножа за холодило кожу.

– *Patron, patron!* – завопил Оскар и бросился к ним с дробовиком.

Из пальцев Рамиреса вырвали пистолет, незнакомец поднялся и отступил.

– Эй, – позвал Рейнолдо. – Без глупостей. Пушка для твоей же безопасности. От *federates*.²

– Что мне делать, *patron*? – спросил Оскар.

¹ Парень (исп.). (Здесь и далее, кроме особо оговоренных, прим. перев.)

² Федералы (исп.).

– Скажи ему, чтобы он бросил дробовик, – велел незнакомец.

– Брось его, – крикнул Рамирес.

Ружье упало на землю.

– А теперь поднимайся, – приказал мужчина.

Рейнолдо поднялся на ноги, тряхнул головой, по которой был нанесен удар чем-то тяжелым, металлическим.

– Я просто проверял, не вытряхнуло ли тебя на ухабе, – сказал он. – У тебя в руках пушка. Не делай резких движений.

Высокий зашвырнул пистолет в кусты. Рамирес отметил, что он приземлился неподалеку от кактуса-сагуаро, похожего на распятие. Ничего, по пути обратно можно подобрать.

– Все нормально? – спросил он. – Больше никаких пушек. Мир.

– Идем, – бросил мужчина.

Рейнолдо зашагал вперед, протиснулся сквозь группку стоявших. Дождаться, что будет делать высокий, он не стал. Он еще немного прошел по дорожке, остальные гуськом потянулись за ним. Луна заливала пейзаж неярким мертвенным светом. Рамирес обернулся и заговорил по-испански, быстро и деловито.

– А теперь повтори для меня, – потребовал высокий. – Я не говорю по-вашему.

– Я просто объяснил им, что делать дальше. Сейчас двести метров вниз по склону. Там будет плоское место, переправи-

тесь через ручей, потом между деревьями. Дальше овражек и последнее поле. Понятно? Без подвоха. Истинная правда. Просто прогулка при луне. На той стороне будут ждать мои *compadres*.³ И ты у дядюшки Сэма.

– Делай дело, – велел мужчина.

Рамирес повел их вниз по склону, кляня себя за глупость и стараясь не слишком оплакивать упущенное состояние. А *hombre*-то оказался не дурак!

Почва была каменистая и предательская, покрытая кактусами, опунциями и прочей злокозненной низкорослой растительностью, которая так и норовила зацепиться и оцарапать. Луна струила свой призрачный свет, невесомый, как пыль. Рамирес провел языком по пересохшим губам. Редко-редко между кустарниками попадались деревца, корявые карликовые дубки, а он все вел свою неуклюжую группку, пока последние деревья не остались позади. Они вышли к ручью, сейчас пересохшему, перепрыгнули через русло и в конце концов собрались на краю залитого лунным светом луга.

– Подождите тут, *michachos*,⁴ – велел он.

За его спиной слышалось их тяжелое дыхание.

Рамирес поспешил вперед. Там была обещанная гарантия: прихотливая шутка природы, вымоина в песчанике, углублявшаяся до тех пор, пока не просели верхние слои почвы и

³ Друзья (исп.).

⁴ Ребята (исп.).

не образовалась впадина, внезапная, неожиданная, не отмеченная ни на одной карте ложбина в самом сердце непроходимых во всех прочих местах гор. Сюда вела лишь эта заброшенная дорога, к этому месту, где мог пройти человек, где не было возведено ни одной изгороди, где не ступала еще нога ни одного пограничника. Рамирес обнаружил его в шестьдесят третьем и с тех пор переправлял через него наркокурьеров – три-четыре раза в год, в безлунные ночи, и ни разу еще не попался.

Но никогда прежде он не делал этого при луне. Он взглянул на белесый серпик над головой – холодный, равнодушный.

И перекрестился.

Потом взгляделся в даль. Лицо овевал прохладный ветерок.

Он вытащил из кармана куртки сигнальный фонарь.

Там, на той стороне, если они сдержали слово, его сигнала ждут двое американцев.

Пресвятая мать, пусть они окажутся там. Пусть они окажутся знающими свое дело, исполнительными гринго, которые чтят договоренности.

Рамирес дважды мигнул фонарем.

Давайте же, черти бы вас драли. У вас было полно времени подготовиться. И деньги обещаны немалые.

Истекла минута.

Ну же!

Две вспышки в ответ.

Рамирес поспешил обратно.

– Готово, – сообщил он. – Осталось еще полкилометра. Там вы расплатитесь – так, amigos? Оттуда вас окольными тропами отведут в Ариваку. К восходу солнца вы уже будете в американском Ногалесе.

– Благодарение Святой Деве, – пробормотал кто-то.

– Спешите, черт бы вас побрал. Там ждать не станут. И ты тоже, гринго.

Они гуськом прошагали мимо него, porteamericano последним, с рюкзаком на плече.

Прощай, странный человек. Надеюсь, я никогда больше тебя не увижу.

Они осторожно пробирались по залитой лунным светом ложбине. Вскоре Рамирес потерял их из виду, несмотря на луну. У них все получилось, получилось без труда, а потом вдруг ударил луч прожектора и пронзительный голос рявкнул из громкоговорителя:

– Manos arriba! Manos arriba! Руки вверх, руки вверх, сукины дети!

* * *

Они замерли. Рамирес наблюдал.

«Мать-перемать, старая шлюха», – пронеслось у него в голове.

– Ни с места, amigos! – загрохотал голос откуда-то сверху. – Давайте, руки вверх! Вверх, говорят! Manos arriba!

Пойманные застыли с поднятыми руками, словно пригвожденные лучом прожектора.

«Пора уносить ноги, – подумал Рамирес. – Господи Иисусе!»

«Беги, ради бога, беги!» – приказывал он себе.

И оставался смотреть, как замороженный.

В круге света показался американский офицер в темно-зеленой пограничной форме и в кепке-бейсболке, с ружьем в руке.

– Лицом вниз! Вниз, черт бы вас побрал. Descendente pronto!

Люди на освещенном пятачке принялись в панике переглядываться. Один, совсем молоденький паренек, обернулся к Рамиресу. Гринго стоял прямо.

– Вниз, вниз, я сказал! – гаркнул пограничник.

Они опустили на колени. Офицер подошел сзади и носком ботинка толкнул одного на песок. Остальные повалились сами.

– Джимми, свяжись еще раз с вертолетом.

– Они уже летят, – слышался голос откуда-то из темноты.

Фортуна. Слепая фортуна – истинный закон мироздания. Рамирес клял свою мать за то, что родила его, и себя самого за то, что забыл о Святой Деве. Он дал обет, что изменится,

торопливо перекрестился и сплюнул в пыль.

Это явно была не облава, его не предали. Иначе здесь их сейчас были бы сотни, с мегафонами и пулеметами. И *federales* с его стороны границы. Ему уже доводилось такое видеть, там, внизу, а однажды даже пришлось полночи бежать с пулей в боку. А здесь были всего два безмозглых гринго на грузовике. Им повезло, а Рамиресу – нет, и чужаку с миллионом долларов в рюкзаке тоже. Судьба, шлюха, как и его мать, беззубая разносчица триппера с ленточками в салых волосах, насмеялась над ним, плюнула ему в лицо.

Пограничник обошел лежащих и встал перед ними с ружьем в руках, беспокойно переминаясь с ноги на ногу.

– Свяжись с ним еще раз, Джимми.

– Я только что с ним говорил. Он уже летит.

Они собирались дождаться вертолета с подкреплением, прежде чем обыскать пленников и заковать их в наручники.

«Если Длинный собирается что-то делать, лучше ему не медлить», – подумалось Рамиресу.

Если бы у него был «питон», он мог бы выстрелить в прожектор или даже в патрульного. Но это гнилое дело – стрелять в *porteamericanos*. Они все сумасшедшие, потом тебя из-под земли достанут. Не говоря уж о том, что их разделяло две сотни ярдов – немало для пистолета, даже для кольца.

Рамирес снова присмотрелся. Долговязый человек распластался по каменистой земле. От пальцев до рюкзака – считанные дюймы.

Гринго, делай же что-нибудь, и немедленно. Они упрячут тебя за решетку лет на сто, если поймают.

Рамирес нервно потер губы.

Издалека донесся рев двигателей, низкий и ритмичный, он нарастал с каждой минутой.

– Это они, – крикнул тот, что был в грузовике.

– Ладно, – отозвался пограничник с ружьем, отступил на шаг назад и сделал пол-оборота в сторону.

Все произошло молниеносно. Патрульный повернул голову на звук. Долговязый словно бы удлинился еще, и в руках у него в мгновение ока возникла небольшая пушка с тупым стволом; из дула вырвался огонь – пограничник упал.

«Пулемет! Маленький пулемет!» – понял Рамирес, изумляясь такому сокровищу.

Остальные бросились из пятачка света врассыпную. Торопливо грянул выстрел, пуля фонтанчиком взмела пыль у ног Длинного. Тот вскочил, держа оружие двумя руками, тщательно прицелился и застрочил по машине на гребне горы. Рамирес услышал звон бьющегося стекла и лязг металла, вспарываемого пулями. Прожектор погас. Длинный припал на одно колено и проворно сменил магазин. Потом поднялся, выпустил новую очередь, и грузовик полыхнул маслянистым рыжим пламенем, расцветившим и накалившим ночь.

Рамиреса обдало пылью и жаром от взрыва, и он заморгал. Перед глазами от яркой вспышки плавали лиловые круги. Он проморгался, чтобы изгнать их, и снова стал смотреть на

завораживающее зрелище перед ним. Плавающий грузовик освещал ложбину.

Длинный подобрался к упавшему пограничнику. Рамирес в изумлении смотрел, как он склонился над человеком, которого только что убил и, похоже, закрыл ему глаза. Потом одной рукой перекатил распростертое тело на бок и повернул его лицом к Ногалесу. А затем подхватил свой рюкзак и скрылся в темноте.

Стрекот вертолета стал оглушительным. С земли вздымались тучи пыли, и Рамирес начал различать темные очертания с помаргивающими огоньками. Из иллюминатора прорезался луч прожектора, заиграл на камнях.

Рамирес отступил. Он понимал, что не пройдет и часа, как здесь будут *federales*, вызванные на подмогу пограничниками. Он понимал, что появятся еще американцы, и еще, и еще. Он понимал, что лучше уносить ноги, пока не поздно. Только бы американцы не нашли его *compadres*-гринго, которых, без сомнения, спугнул приближающийся патруль. Если их поймают и заставят говорить, они сдадут Рамиреса с потрохами...

Он перекрестился.

«Пресвятая Дева, я лгал и мошенничал, крал и убивал, только спаси своего грешного сына».

Торопливо спускаясь по склону в лунном свете, он горячо молился. Впереди показался фургон, и он понял, что выпущается. Он даже задержался у кактуса, чтобы подобрать пи-

столет.

– Что случилось? – спросил Оскар. – Матерь божья, я уж подумал, что началась война.

– Матерь божья, она и началась, – сказал Рамирес, думая о высоком мужчине, потому что внезапно ему открылась истина: он видел воина.

Глава 2

Озадаченный представшим его глазам зрелищем, Билл Спейт остановил свой «шевроле» у обочины. Должно быть, он запутался в нумерации – часть этих домишек в западных пригородах Чикаго отстояла так далеко от дороги, что цифр было не разглядеть. Он открыл портфель и принялся рыться в бумагах.

«Ну давай же, давай, старый дурак», – подстегнул он себя и тут наконец заметил табличку с адресом. Все верно – Олд-Элм-роуд, 1104. Может, он не там свернул с шоссе и угодил в другой городок? Да нет, он был внимателен, очень внимателен и видел знак на выезде. Он приехал куда надо.

Но церковь? Сколько Спейт ни напрягал память, ему не удавалось выудить из нее ни одного эпизода, в котором Пол Чарди был бы хоть как-то связан с религией. Может, у Чарди поехала крыша – эти отчаянные головы все немножко ненормальные – и он ударился в религию? Еще в одну. Ведь отдел спецопераций – та же религия. И все же Спейт не мог вообразить себе ширококостного, мускулистого Чарди с его крутым нравом и уникальными талантами, облаченным в рясу священника и выслушивающим откровения прыщавых подростков в темной кабинке исповедали.

Тем не менее, он взглянул на церковь – нечто в современном духе, смахивающее скорее на стеклянную коробку

с крышей, нежели на нормальное здание. В ярко-голубом весеннем небе чернел тонкий крест. Если бы не он, строение можно было бы принять за какой-нибудь новый конгресс-центр. Выцветшие глаза Спейта уперлись прямо в вывеску: «Церковь и школа Пресвятой Девы Марии». Буквы белые и монументальные, высечены на черной плите. И надпись ниже: «Научись прощать самого себя». Этот совет заставил Спейта поморщиться. Неужели? Неужели Пол...

Впрочем, если это школа... Представить Чарди в окружении детей, а не монашек и священников, вполне возможно. От матери этот атлет унаследовал какой-то юношеский задор, пленяющий детские сердца. Зато от отца и его венгерских предков Чарди достались замкнутость, угрюмость и подверженность быстрой смене настроения.

В эту минуту из-за церкви на заасфальтированную площадку высыпали ребятишки, целый класс. И откуда у них столько энергии? Глядя на них, Спейт мгновенно ощутил свой возраст. Обстановочка вокруг была та еще, а одинокий старикан с бородой и в плаще – очевидно, приставленный приглядывать за этой оравой – так кротко стоял в сторонке, что Спейт испугался за него.

Дело шло к полудню. Предстоящее задание вызывало нехорошие предчувствия: Спейт не был уверен, что справится. Он тяжело вздохнул, въехал на стоянку, с трудом нашел место, помеченное знаком «Для посетителей» и поплелся к строениям вдалеке. Увесистый портфель оттягивал руку.

Ему предстояло миновать площадку, где ребятишки перекидывались мячиками и, как обезьянки, висели на турниках. Поскольку собственные дети Билла ходили оборванцами, ему приятно было видеть здешних мальчиков при «бабочках», а девочек в аккуратных плиссированных юбочках. Однако вынужденная строгость в одежде ничуть не укрощала маленьких дикарей. Они как ни в чем не бывало дрались, толкались и орали друг на друга, так что однажды воспитателю даже пришлось вмешаться и разнимать потасовку. Дети. Спейт покачал головой, но мысли его были далеко.

Его беспокоил Чарди. Не каждый день вламываешься в жизнь человека после семилетнего – или уже восьмилетнего? – перерыва как ни в чем не бывало. И потом, тогда, во время расследования, Билл не слишком удружил Чарди. Он просто сказал правду, которая была совсем не на руку Чарди. Может статься, Пол затаил на него злобу. О крутом нраве Чарди ходили легенды: однажды он залепил затрещину начальнику базы.

Билл остановился посреди площадки. Его замутило. Надо было принять что-нибудь от желудка. Церковь нависала над ним, дети окружали кольцом. Ему вдруг захотелось в туалет. Возможно, если он найдет где-нибудь поблизости сортир и присядет, у него будет время взять себя в руки.

С другой стороны, может, лучше покончить с этим делом. И чем быстрее, тем лучше, раз уж он зашел настолько далеко.

Билл сунул руку в карман, вытащил флакончик с ополас-

кивателем, набрал полный рот мятной жидкости. Ее прохладная свежесть ободрила его, заглушила кислый вкус, стоявший в горле.

«Я справлюсь».

Он обернулся – баскетбольный мяч ударил его по колену и отскочил, орава малолетних сопляков с воплями пронеслась вдогонку.

– Прошу прощения, – окликнул он старого недотепу, который склонился над двумя хлюпающими сорванцами. – Есть тут у вас где-нибудь канцелярия? Как мне туда пройти?

– Тебе в самом деле нужна канцелярия, Билл? – осведомился Пол Чарди, разгибаясь.

* * *

Во всем был виноват плащ, скрадывавший размеры. И борода – на удивление седая, – до неузнаваемости изменившая мрачное лицо полуирландца, смягчившая воинственный подбородок. И волосы, отросшие настолько, что их можно было заправить за уши; раньше Пол всегда стригся коротко, под ежик, как и сам Билл. И еще площадка, кишашая детьми, яркое солнце, скачущие, свистящие над головой мячи, гам, церковь. Все было совершенно иное. В последний раз Билл видел Пола на оружейном складе на границе. На Чарди были мешковатые штаны цвета хаки, украшенный шитьем мундир, черно-белый тюрбан и темные очки. Грудь

крест-накрест пересекали патронные ленты, а сам он загорел почти дочерна. При нем был автомат Калашникова, за спиной – два снаряженных гранатомета, и еще связка советских гранат «Ф-1» на поясе.

– Я... я тебя не узнал, Пол. С бородой ты совсем другой человек.

– Старина Билл, с ума сойти. Я видел, как ты вылезал из машины. Что, вас до сих пор заставляют брать напрокат дешевенькие «шевроле»? Как жизнь? – Он взял руку Билла и пожал ее. – Хорошо выглядишь.

– Не криви душой, Пол. Я выгляжу, как старик, да я и есть старик. Да и у тебя самого седина пробивается.

– Это все детки. У меня под началом сотня. Это из-за них я состарился раньше времени.

Он рассмеялся и хлопнул Билла по спине.

– Пол, нам пришлось попотеть, чтобы тебя найти.

– Еще бы. Так и было задумано.

– Ну ладно. Тут всплыло одно старое дельце. Есть минутка?

Чарди взглянул на часы. «Ролекс» с большим циферблатом. Он до сих пор их носил. В отделе спецопераций у всех были такие.

– У меня сейчас самая запарка. В этих заведениях дерут три шкуры. Я примерно в пять освобождаюсь. Твое дело может подождать?

– Ну-у...

Ждать было нельзя. Возьми его в оборот, наставляли Спейта. Не дай ему возможности все обдумать, растравить свои обиды. Бери быка за рога.

«Я знаю, – с горечью ответил тогда Билл. – Я тоже в этой игре не новичок, вы не забыли?»

И мысленно добавил: «Ублюдки».

– В общем, – начал Спейт, чувствуя, что его обошли на первом же ходу, – дело в том, что...

Но Чарди уже сорвался с места – бывшего проворства он не утратил – и с криком «Э, э, Махони, Махони!» бросился к двум вопящим, размахивающим кулаками мальчишкам и растащил их в разные стороны. Он с силой тряхнул того, что побольше, и серьезным, суровым голосом начал ему выговаривать. Спейту представилось, как Чарди разговаривает в таком тоне с ним.

Пол вернулся.

– Этот маленький стервец возомнил себя крутым. Ему нравится бить, – объяснил он. – У него папаша легавый.

– Пол, я и вообразить не мог, что ты станешь вести такую жизнь, – решил потянуть время Билл.

– В приходских школах, – сказал Чарди, в упор глядя на него своими темными глазами, – не требуют педагогического образования. Достаточно просто быть готовым пахать, как вол, за гроши. Старая спортивная закалка очень помогает. А ты, Билл? Все еще играешь в ковбоев?

– Меня перевели в другой отдел. В центральную справоч-

ную службу.

– В ссылку.

– Самое то для безобидного старого гриба, вроде меня.

– Ты еще им покажешь, Билл.

– Пол, я все думаю о расследовании Мелмена. Ты не держишь на меня зла? Я ведь просто рассказал им о том, что видел.

– Не бери в голову. Все это глупости.

Билл провел языком по губам.

– Спасибо, Пол.

– Ты за этим приехал?

– Ну, дело в том...

Но Чарди снова стремительно нырнул в толпу ребятишек. Спейт стоял столбом и наблюдал за тем, как он урегулирует очередной кризис. Эти детишки что, только и умеют, что драться? Впрочем, взрослые ведь ничем не лучше.

Наконец Чарди вернулся.

– С ними только успевай поворачиваться, – заметил Пол.

– Да уж.

– Ну, Билл?

Вот, значит, как все будет. На площадке, посреди оравы детей, и без возможности присесть и обсудить все, как цивилизованные люди. Чарди играл с ним, Спейт видел это. Положение было безнадежное, при таком-то галдеже, когда их дергали каждую минуту. Это провал. Его охватило предчувствие поражения.

Надо было послать кого-нибудь помоложе, скажут в Лэнгли. Скажут прямо ему в лицо. Там теперь умеют быть жестокими.

– Вот, – Билл шатнулся вперед.

Он вытащил из кармана и протянул Чарди свое сокровище, вещь, из-за которой они там в Лэнгли стояли на ушах. Чарди неохотно ее взял.

Он смотрел на нее, перекатывая на ладони.

– Гильза от чешского пистолета-пулемета, калибр семь целых шестьдесят пять сотых миллиметра. Таких, должно быть, с десятков миллионов по всему миру болтается.

– Взгляни на царапину от зацепа выбрасывателя на закраине гильзы, – сказал Билл.

– Это гильза от «скорпиона». Я еще в состоянии опознать гильзу от «скорпиона». «Скорпы» в ходу во всем мире. Африканские генералы до них сами не свои.

– Позволь мне досказать.

Чарди взглянул на него. Билл никогда не понимал, что делается у Пола в душе. Темные глаза прищурились, губы, скрытые под бородой, плотно сжались.

– Валяй.

– Конкретно эта гильза из тайника с оружием, который ребята из сто семьдесят третьей воздушно-десантной бригады вскрыли во время поисково-карательной операции в июле шестьдесят седьмого. Вьетконговцы устроили в окрест-

ностях Куинена⁵ крупный оружейный склад. В основном автоматы Калашникова и реактивные противотанковые гранатометы. Чуток минометов, чуток легкой артиллерии. Ничего из ряда вон выходящего. И «скорпион». В шестьдесят седьмом во Вьетнаме это была большая редкость, чешское оружие появилось там уже много позже. Однако на складе оказался один-единственный новехонький «скорпион», еще в смазке, и три с половиной тысячи патронов калибра семьдесят пять.

– Хочешь сказать, это один из тех трех с половиной тысяч?

– Угу, – едва ли не с гордостью ответил Билл Спейт. – Заводское клеймо позволяет однозначно это определить. Видишь, здесь, на донце гильзы? Маркировка «VZ-шестьдесят один». Это клеймо оружейного завода в Брно, а вся партия патронов была выпущена в январе шестьдесят шестого. Он из той же партии, что мы нашли во Вьетнаме. Не может быть, чтобы это было совпадение. Знаешь, что произошло с теми боеприпасами?

Чарди промолчал.

– Разумеется, знаешь, – продолжал Билл. – В семьдесят третьем этот «скорпион» вместе с двумя с половиной тысячами патронов отправились в Курдистан. В ходе операции, которую мы называли «Саладин-два», курдская кампания. Моя операция, и твоя тоже. В конце уж точно твоя. Вме-

⁵ Куинен – город-порт в южной части Вьетнама.

сте со всем остальным оружием, «Калашниковыми» и РПГ. Там было достаточно, чтобы устроить небольшую войну. Мы ее и устроили.

Билл знал об оружии все. Его специальностью было тыловое обеспечение и тайное пополнение запасов, и он организовывал доставку оружия в зоны партизанских действий по всему земному шару, когда служил в отделе спецопераций. Ему и самому не раз доводилось побывать в переплетах.

Чарди кивнул, словно в память о небольшой войне и переплетах, в которых они побывали.

– Помнишь, ты отдал этот «скорпион» одному человеку?

– Я отдал его Улу Бегу, – ответил Чарди. – Где ты его взял?

Спейт рассказал ему о гибели двух офицеров пограничного патруля.

– Это одна из сорока гильз, найденных на месте происшествия. Он расстрелял два магазина. На телах тех офицеров живого места не осталось. Ты же знаешь, на что способен «скорпион».

«Скорпионом» назывался пистолет-пулемет чешского производства, принятый на вооружение в 1961 году. Со сложным проволочным прикладом он составлял десять дюймов в длину, весил три с половиной фунта и делал восемьсот сорок выстрелов в минуту в автоматическом режиме. Он входил в число немногочисленных настоящих пистолетов-пулеметов, не такой громоздкий, как автомат, и куда более смертоносный, нежели автоматический пистолет.

– Билл, это всего-навсего одна гильза. Ты принимаешь желаемое за действительное. Делаешь какие-то безумные построения на основе сущей ерунды. Гильза, заводское клеймо, царапина на металле.

– Есть еще кое-что, Пол.

Билл заглянул в портфель, порылся в отчетах научно-технического директората, авиабилетах, картах и извлек наконец фотографию лежащего тела. Чарди взглянул.

– В какую сторону лицом он лежал? – спросил он.

– На восток. В отчете говорится, что тело передвинули. Они решили, что убийца искал деньги или еще что-нибудь. Но бумажник не тронули. Они ничего не понимают. Но ты-то понимаешь, верно?

– Разумеется, – отозвался Чарди. – Он не собирался убивать этого беднягу. Он этого не хотел. Он сожалел об этом. И потому попытался помочь душе убитого попасть в рай. Он развернул тело на восток, лицом к Мекке, как принято хоронить мертвых у курдов.

– Ты не раз это видел, Пол.

– Надо думать. Здесь какой-то курд. Может, даже Улу Бег собственной персоной.

– Да, Пол. Мы ведь так и не получили никакого подтверждения его гибели, когда «Саладин-два» закончился провалом. И если это кто-то из курдов, то это он. А тебе известно, каких воззрений курды придерживаются о мести.

Прозвенел звонок.

Билл взглянул на Чарди. Вот он, решающий миг; разве не должен Чарди как-то отреагировать? Человек, которого он обучил и рядом с которым бок о бок жил и сражался в Курдистане семь лет тому назад.

Дети начали сбиваться в буйную ораву перед стальными двустворчатыми дверями. Показались монахини. Там и сям вспыхивали мелкие потасовки.

– Мистер Чарди! – позвала монахиня от двери.

– Пол, это...

– Я знаю, что это такое, Билл, – отрезал Чарди. – Черт бы тебя побрал, Билл, зачем ты снова разворошил все это старье?

Он развернулся и исчез за дверьми вместе с ребяташками.

* * *

Биллу не оставалось ничего иного, кроме как ждать. Он отыскал бар, захудалое тихое местечко в следующем по шоссе городке, и коротал время, потягивая ром с кока-колой за столиком рядом с автоматом для игры в пинбол. В зале никого не было. Он выкурил полпачки сигарет. Перед ним аккуратной шеренгой выстроились стаканы. Под конец их было пять.

Он должен согласиться, думал Спейт. Он все обдумает и поймет, что это дело касается его точно в той же степени, что и всех остальных. Улу Бег был недочетом операции Чарди.

Неважно, что Чарди турнули из управления, неважно, что он столько лет скрывался под видом школьного учителя. Он должен согласиться, убеждал себя Билл.

Это его наследие. Все эти годы он исповедовал какие-то убеждения. Он был одним из героев, одним из ковбоев, а в ковбоях главное то, что они никогда не говорят «нет». Для ковбоев не существует опасности. Они психи, утверждал кое-кто, они животные. Многие штабные их на дух не переносят. Однако когда в ковбое возникала нужда, он был тут как тут, он бросался в бой. Он жил ради того, чтобы бросаться в бой; в конце концов, разве не ради этого в первую очередь он становился ковбоем?

Билл пытался убедить самого себя. Он взглянул на свои «Сейко» и с трудом сообразил, сколько времени. Он перебрал с выпивкой и сам это понимал.

- Вам плохо? – склонилась над ним официантка.
- Нет-нет, все нормально.
- Лучше бы вам расплатиться, – заметила она.
- Свет еще не слыхивал более справедливых слов, – усмехнулся он снисходительно.

Автомобилей на дороге ощутимо прибавилось, и Спейт добрался до церкви только к четверти шестого. Машину он снова оставил на гостевой стоянке, пересек безлюдную площадку и вошел в школу.

Он заморгал, привыкая к сумраку. Стены темного коридора украшали детские рисунки. Спейту они показались неле-

пыми, все эти коровы, сараи и самолетики, у которых оба крыла торчали с одной стороны фюзеляжа. Да и от распятий ему было не по себе – от бесконечных сцен страдания на этих нежных бледно-зеленых стенах. Навстречу ему попалась монахиня, и он преувеличенно улыбнулся, опасаясь, как бы она не учуяла запах перегара или не заподозрила, что он пьян, по нетвердой походке. Но она лишь улыбнулась в ответ – на удивление молоденькая девушка. Потом он наткнулся на группку мальчишек, худеньких и взмысленных, в спортивных костюмах – они направлялись в раздевалку. Мальчики казались совсем маленькими, с крошечными косточками и замороженными личиками, как у малолетних рабочих с диккенсовской фабрики ваксы. Впрочем, один из них был побольше. Чернокожий мальчик, вероятно, заводила.

– Мистер Чарди далеко, сынок? – спросил его Спейт.

– Он там, – мальчик махнул рукой дальше по коридору.

Послали его, как выяснилось, в старый спортивный зал, залитый восковым желтым светом тусклых ламп, низко свисавших в своих проволочных клетках с балок потолка.

Это здание, должно быть, построили лет за двадцать до того, как отгрохать элегантный современный собор. Один конец помещения представлял собой зрительный зал со сценой для любительских представлений – здесь, должно быть, разыгрывали дрянные постановки.

Спейт увидел Чарди в сером спортивном костюме и высоких кедах. На груди у него расплывалось раздвоенное влаж-

ное пятно, ни дать ни взять уши Микки-Мауса, голову обхватывала яркая повязка, как у индейского воина. Одной рукой он раз за разом методично отправлял мяч в баскетбольную корзину с двадцати – двадцати пяти футов. Пару раз он принимался бить хорошо надутым кожаным мячом об пол так, что гулкий стук разносился в воздухе, потом подхватывал мяч и как будто взвешивал его. Затем плавно прокатывал от пальцев до плеча, замирал и взвивался в воздух. Кожаный шар описывал безукоризненную дугу и со свистом летел сквозь кольцо. Впрочем, иногда он все же пролетал мимо, и тогда бородач лениво трусил за ним вдогонку и одной рукой подхватывал не успевший коснуться пола снаряд. Потом разворачивался, замахивался, делал новый бросок и, надо сказать, выглядел при этом довольно неплохо для человека – и впрямь! – под сорок. За те десять минут, что Билл молча наблюдал за ним с порога, он ни разу не промахнулся два раза кряду.

Наконец Спейт подал голос:

– Ты до сих пор звезда.

Чарди не оглянулся. Он сделал еще один бросок и только потом ответил:

– Да, есть еще порох в пороховницах.

О его фантастической сноровке с мячом ходили легенды. Во время двух своих американских операций – совершенно катастрофических во всех прочих отношениях – он под орех разделал спортивную лигу Лэнгли, в которой играла на удив-

ление сильная баскетбольная команда; Чарди тогда установил рекорды, которые, насколько Биллу было известно, не были побиты и по сей день. В своем захудалом колледже, который платил Полу стипендию, он был чем-то вроде звезды национального масштаба и решил попробовать играть в профессиональной команде.

Он забил в прыжке еще один мяч, и на этом, похоже, игра ему прискучила. Мяч покатился по полу в темный угол. Чарди взял полотенце и подошел к Биллу.

– Что ж, старина Билл, вижу, я тебя не переупрямил.

– Ты действительно этого хотел, Пол?

Чарди лишь улыбнулся в ответ.

– Думаю, я им понадобился, – проговорил он наконец. – Наверное, я снова в цене.

К чему отрицать очевидное, подумалось Спейту.

– Понадобился. В цене.

Чарди обдумал его слова.

– Кто проводит операцию? Мелмен?

– Мелмен теперь большая шишка. Ты не знал? Он заместитель директора по оперативной работе. В один прекрасный день он станет его директором, возможно даже директором Центральной разведки,⁶ если не решит уйти из конторы.

При мысли о Сэме Мелмене на обложке «Тайм» и «Нью-

⁶ Центральная разведка – координационный орган, в который входят представители всех разведывательных ведомств США. Должность главы Центральной разведки занимает директор ЦРУ.

суик», где до него красовались Хелмс, Колби и Тернер,⁷ Чарди фыркнул.

– Эту кампанию курирует даже не оперативный директорат, Пол. Ее курирует административный директорат, их управление безопасности. Так что...

– Что еще за оперативный директорат? – перебил его Чарди.

Он действительно долго был не у дел, осознал Спейт.

– Прости. Я так понимаю, ты был в горах, когда они провели реорганизацию. Я и сам узнал уже потом. Директорат планирования теперь называется оперативным директоратом.

– Прямо как в каком-нибудь фильме про Вторую мировую.

– Пол, забудь про оперативный директорат. Забудь о былых днях, о былых людях. Забудь всю эту чушь. Забудь о Мелмене. Он просто делал свою работу. Он будет далеко от тебя. Подумай о том, что Улу Бег в Америке.

– Все данные об Улу Беге есть в отчетах, в архиве. В отчетах по расследованию Мелмена. Скажи им, пусть поднимут все дела.

– Уже, Пол. Пол, ты знаешь Улу Бега, ты сам готовил его. Ты сражался бок о бок с ним, ты знаешь его сыновей. Ты был ему вместо брата. Ты...

⁷ Ричард Хелмс, Уильям Колби и Стэнсфилд Тернер занимали пост директора ЦРУ с 1966-го по 1973-й, с 1973-го по 1976-й и с 1976-го по 1981 г. соответственно.

Однако разговор об Улу Беге, похоже, был Чарди неприятен. Он отвел взгляд, и Спейт понял, что ему придется разыграть свою последнюю карту, которая была ему не по душе и дурно пахивала. Но ему в мельчайших подробностях разъяснили, насколько это важно, насколько невозможен провал.

– Пол...

Билл замялся, ощущая острую жалость. Чарди не заслуживал удара, который он собирался нанести.

– Пол, нам придется привлечь к этой операции и Джоанну Халл.

– Ничем не могу помочь, – отрезал Чарди. – При всем моем желании. Послушай, мне нужно принять душ.

– Пол, наверное, лучше мне объясниться начистоту.

Ох, надо было ему проглотить еще несколько коктейлей.

– Пол, им плевать на все, этим ребятам из управления безопасности. На все, кроме результатов. Они намерены установить за Джоанной какое-то наблюдение – и хотят, чтобы этим занялся именно ты, потому что считают, что Улу Бег появится у нее. Она едва ли не единственная, к кому он может пойти. Но не согласишься ты, они найдут другого согласного, поверь мне.

Чарди посмотрел на него с омерзением.

– Что, все зашло настолько далеко?

– Они очень боятся Улу Бега. И не побрезгуют никакими средствами.

– Надо думать, – буркнул Чарди, и Спейт понял, что одер-

жал маленькую победу.

Глава 3

Он предполагал, что за ним будут охотиться, но это не имело значения и не особенно страшило его. За ним уже кто только не охотился – иракская армия и полиция, арабы, иранцы, даже курды. Теперь вот американцы.

Но что они могут? Он ведь в горах. Улу Бег чувствовал себя здесь почти как дома, все вокруг было ему знакомо. Он родился и вырос в горах и сражался тоже в горах, а эти горы хотя во многом и отличались от его родных, столь же во многом их повторяли.

Они назывались Сьерритас и тянулись от границы к северу на двадцать или тридцать километров, прежде чем превратиться в суровую пустынную равнину по пути к американскому городу Тусону.

Это были обширные предгорья, поросшие невысокими дубами и зловредными колючками, пробивающимися сквозь каменистую почву, до тех пор, пока на высоте пяти тысяч футов все это резко не превращалось в камень, пик, скалистую вершину, голую, бесплодную и неприступную. Пословица утверждала, что каждая гора – крепость, и здесь, на высоте, он чувствовал себя в безопасности, словно за крепостной стеной.

Пускай приходят. Свое мастерство он постигал в сотне переделок и еще в сотне оттачивал, в горах он даст сто оч-

ков вперед кому угодно. Впрочем, сомнительно, чтобы американцы попытались взять его. Ему говорили, они превыше всего ставят свои удовольствия, а не отвагу. И все же вдруг против него пошлют Джарди?

Курд помедлил на краю скалы, глядя на возвышающиеся вокруг пики, тускло-коричневые на ярком солнце. Повсюду, куда ни взгляни, царили покой и безмолвие, один лишь ветер овеивал его лицо.

А вдруг свыше предначертано, что против него пошлют Джарди? Вдруг такова воля Всевышнего?

Кто знает, какова воля Всевышнего? Что толку об этом беспокоиться? И все же, все же...

Однако здесь, в глуши горных вершин, помимо безопасности, он получал еще кое-что. Свободу. Свободу думать как курд, двигаться как курд, свободу быть курдом. Здесь его не угнетала необходимость носить чужую маску, что давалось ему труднее всего.

«Ты должен стать одним из них, – напутствовали его. – Но это будет несложно. Американцы заняты исключительно самими собой. Они не видят дальше своего носа. Но разумеется, тебе придется немного изменить свои привычки. Согласен?»

«Да, – отвечал он. – Научите меня. Я пойду на любые жертвы, заплачу какую угодно цену. Моя жизнь – прах. Она лишь орудие моего возмездия».

«Превосходно, – похвалили его. – Твоя ненависть чиста и

ничем не замутнена, ее необходимо подпитывать. Она даст тебе силы преодолеть многочисленные тяготы. Некоторых приходится учить ненавидеть. Ты получил это чувство в дар. Ты святой. Ты ведешь священную войну».

«Никакая это не святость, – ошетинился он, и от его горящего взгляда им стало явно не по себе. – Не кощунствуйте. Мне придется принять на себя бесчестье. Но это не имеет значения».

Он медленно пробирался по горам на север, наслаждаясь путешествием. Ночью он пересек грунтовую дорогу в низине. Кемпинги, места, куда американцы приезжали развлекаться, он обходил стороной. Небо было пронзительно, до боли, синим, и с него било сверкающее, почти белое солнце. В вышине плыли редкие полупрозрачные облака. С вершины виднелись лишь горы. Одна гряда сменяла другую. Повсюду лежала пыль, которую подхватывал и носил ветер, а местами попадались даже островки снега, чешуйчатого и ноздреватого, сминавшегося под его американскими ботинками. В полумраке горы представляли во всем своем великолепии. Тени и мягкий воздух окрашивали их в кеск-ошин, неуловимый синевато-зеленый оттенок, милый курдскому сердцу, потому что он напоминал о весне и о свободе странствовать по перевалам, передвигаться по земле, принадлежащей им на протяжении двух тысячелетий. По Курдистану.

Как-то он заметил машину и шарахнулся назад, охвачен-

ный мгновенным ужасом. Машина ползла по гравиевой дороге, похожая на неуклюжего зверя. Страх возник от того, как она двигалась: неспешно, но при этом решительно. Он весь подобрался, и его охватило чувство обнаженности – обнаженности жертвы.

Машина выбралась на ровный участок. Это оказался едва ли не автобус, кричаще-яркая, дорогая штука. Сзади к нему крепились велосипеды, на крыше громоздилось туристическое снаряжение. Очевидно, фургон предназначался для вывоза на отдых богатых, избалованных американцев, дабы они могли пребывать на природе со всеми удобствами, не страдая от отсутствия душа и горячей воды.

Он наблюдал, как машина ползет вниз, у него под ногами, поднимая за собой клубы пыли, нелепо поблескивая, горя яркими красками в солнечном свете. Это немыслимое американское изобретение выглядело почти комично. Подобная вещь не могла появиться ни в одной другой стране, кроме Америки. При виде такого идиотизма ему хотелось улыбнуться.

Америка!

Страна безмозглых толстосумов!

И все же он продолжал тяжело дышать, даже когда машина скрылась из виду. Почему? Что страшного в этой колымаге? Скоро ты окажешься среди них, если все пройдет удачно. Так-то ты собираешься себя вести: впадать в столбняк от ужаса при виде всего иноземного?

У тебя никогда ничего не получится.

А должно.

Но в его душе поселился ужас. Почему?

Из-за перестрелки на границе? Теперь на него устроят грандиозную облаву? И его миссия окажется под угрозой? Все это угнетало, но далеко не так сильно, как убийство двух человек.

Вот что омрачало его путешествие – дурное начало. Черт бы побрал этого жирного мексиканца! Ему говорили, что тот знает лучшую дорогу, самую безопасную. Что эта свинья переведет его через границу.

Что теперь будет с мексиканцем? Не хотел бы он оказаться на месте этого толстяка, потому что жизнь его теперь ничего не стоит.

Смерть, опять смерть и снова смерть. Порочный круг. На каждом шагу, ведущем из прошлого в будущее, смерть.

Двое полицейских, погибших потому, что оказались не в том месте. Мексиканец, которому предстоит погибнуть. И он сам, в конечном итоге, в завершение всего...

«Если тебя поймают, ты пропал. Тебя никогда не отпустят. Тебя будут использовать и использовать. Ты это понимаешь?»

«Да».

«В плену ты не просто не сможешь больше служить на благо своего дела, ты нанесешь ему непоправимый урон. Ты погубишь его. Ты понимаешь?»

«Да».

«Тогда клянись. Мы будем помогать тебе и поддерживать тебя, но ты должен дать клятву. Что тебя не возьмут живым. Клянешься?»

«Kurdistan ya naman», – поклялся он. Курдистан или смерть.

* * *

Он бродил по горам неделю, потому что там можно было не опасаться преследования. Питался запасенными мексиканскими лепешками, орехами жожоба и мескитовыми бобами, как ему велели. Однако рельеф становился все более и более плоским, пока на восьмое утро от гор не осталось ничего, кроме далекого кряжа, коричневеющего на горизонте. Чтобы добраться до него, нужно пересечь расстилающуюся впереди равнину, над которой дрожало дымчатое знойное марево. Это была пустынная долина, ведущая в Тусон. В темноте такой переход слишком опасен.

«Бойся пустыни, – предостерегали его. – Если тебе придется преодолевать пустыню, это будет большое невезение».

Но за этой пустыней лежал Тусон, а оттуда автобусы уходили в Америку, на северо-запад, где его судьба была *ser nivist*, предначертана свыше.

Он пустился в путь спозаранку. И очутился в море игл и колючек, так и норовящих ужалить. Оно тоже было красиво

своеобразной безжалостной красотой, олицетворением всего самого смертоносного. На каждом подъеме или плавном спуске, с каждой осыпающейся каменистой тропки и гладкой прогалины, с каждого скалистого взгорья открывался новый вид. Однако самым сильным впечатлением этого долгого дня стала не опасность и не красота, но нечто совершенно иное. Безмолвие.

В горах никогда не бывает тихо: там всегда дует ветер и постоянно что-то встречается на пути. Здесь, на этой ослепительной равнине, не было слышно ни звука. Ни ветерка, ни шума – ничего, кроме его собственных шагов по пыли и голым камням.

Воды здесь тоже не было, а жара стояла убийственная. Он мог думать только о воде. Но упрямо шел и шел вперед. Во множестве миль впереди высился последний бастион гор, а за ними должен лежать Тусон.

Курд спешил вперед, задыхаясь от пыли. Над ним высился кактус сагуаро, экзотический и манящий. И еще сотня прочих усеянных колючками чудищ, часть которых, словно в насмешку над грозными шипами, была покрыта нежными соцветиями. Восковые листочки хлестали его ботинки. Он рвался вперед, один-одинешенек на бескрайней холмистой равнине. Он понимал, что должен завершить свой путь до темноты, иначе замерзнет здесь ночью, а на следующий день снова выйдет солнце и изжарит его.

«Один день, если все-таки придется переходить через пу-

стыню. У тебя будет всего один день. Больше твоё тело не выдержит».

Ему рассказывали о нелегалах-мексиканцах, которых заводили в пустыню и бросали там на произвол судьбы нечистоплотные контрабандисты, и как они погибали в страшных муках всего лишь через несколько часов в самую жаркую пору дня.

Улу Бег пробивался вперед, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Рубаху он снял и обмотал вокруг головы на манер тюрбана – это принесло небольшое облегчение, – а сам остался в одной майке. Но с каждым подъемом он молился, чтобы горы оказались чуть ближе, и каждый подъем приносил ему разочарование.

Kurdistan ya naman.

Рюкзак налился неподъемной тяжестью, но курд упорно цеплялся за него.

Он пробивался вперед.

Вскоре после полудня над самым горизонтом показался вертолет.

Вечно вертолеты, подумал он, всегда вертолеты.

Он проворно юркнул в расселину, порезав запястье об острые, словно нож, листья какого-то немислимого растения. Брызнула кровь. Он прислушивался к стрекоту пропеллеров, взбивавших воздух, словно какую-то вязкую жижу, и к своему учатившемуся пульсу.

Стрекот стал громче, курд вжался в узкую щель. Сунул

руку в рюкзак и нашарил «скорпион».

Но стрекот затих.

Он выбрался наружу и окунулся все в то же ослепительное застывшее моря песка и колючей растительности. Голова болела, порезанное запястье саднило. Повсюду, куда ни посмотри, было одно и то же: волнистый песок, кактусы, жесткий кустарник под бескрайним небом да палящее солнце. И горы вдали. Улу Бег поднялся и пошел вперед, навстречу смерти.

К середине дня он чувствовал себя, как пьяный. Один раз упал и даже сам не понял как, очнулся уже на четвереньках у подножия склона. Поднялся, но колени подогнулись, и он снова плюхнулся на землю. И опять поднялся, медленно, тяжело дыша, постоял, переводя дух, упершись руками в колени. Ему показалось, что он заметил тот фургон, дурацкий автобус, надвигающийся на него, битком набитый светловолосяными американцами, сытыми и богатыми, а впереди катили на велосипедах их детишки.

Он сморгнул – и наваждение рассеялось.

Или нет? В память ему намертво врезалось воспоминание о той неповоротливой огромной махине. Его настороженность, его нелепость – и вместе с тем целеустремленность – вот что ему запомнилось.

Он вновь вызвал в памяти эту картину.

Много дней подряд они двигались через горы к ущелью Равандуз и расставили засаду, тщательно и хитроумно.

Джарди был тогда с ними. Нет, Джарди был одним из них.

Их было в общей сложности тридцать, считая родного сына Улу Бега, Апо, – мальчик упросил взять его с собой. У них были новенькие автоматы Калашникова, привезенные Джарди, реактивные гранаты, которыми он научил их пользоваться, и легкий пулемет. А еще у Джарди был динамит, который он заложил под дорогой.

В узкой теснине в предгорьях они подловили иракский конвой, солдат одиннадцатой механизированной бригады, которые не далее как неделю назад стерли с лица земли курдскую деревушку и перебили всех ее жителей. Джарди подорвал головной грузовик, все они разом открыли огонь, и полсекунды спустя дорога была намертво заблокирована подбитыми, пылающими автомобилями, по большей части грузовыми.

– Продолжайте огонь! – заорал Джарди, когда первый угар прошел, стрельба утихла.

– Но...

– Продолжайте огонь!

Джарди был отчаянный мужик, неистовый в бою, одержимый. У курдов бытовало выражение – войнолюбивый. Он стоял позади, темные глаза метали молнии, он бешено жестикулировал, выкрикивал что-то, взывал к ним на языке, который понимал один только Улу Бег, и, тем не менее, заражал всех силой своего духа. Стоял, потом принимался метаться туда-сюда перед строем, рыча, как собака, в сбив-

шемся набок тюрбане, из-под которого торчали его короткие американские волосы, и совершенно не замечал пуль – гибнущий конвой пытался отстреливаться.

В некотором роде он был курдом больше, чем любой из них, воплощенный Саладин, способный вдохновить их на героические деяния одной лишь своей свирепой одержимостью. Он любил уничтожать своих врагов.

– Стреляйте. Продолжайте по ним стрелять! – кричал он.

Улу Бег выпускал обойму за обоймой по горящим грузовикам и скорчившимся или мечущимся фигуркам и смотрел, как курдские пули решают конвой. Они крошили стекло, вспарывали брезент кузовов, пробивали шины. Время от времени слышался негромкий хлопок, и в воздух взметались клубы пламени, знаменуя взрыв очередного бензобака. Скоро стрельба со стороны грузовиков утихла.

– Прекратить, – гаркнул Джарди.

Курдские автоматы умолкли.

– Давай уводить их отсюда, – крикнул Джарди Улу Бегу.

– Но, Джарди, – откликнулся Улу Бег, – там же оружие и трофеи.

– Нет времени, – отрезал Джарди. – Погляди на эту разведмашину.

Он ткнул в перевернутую русскую бронемашину во главе конвоя.

– Видишь антенны? Через несколько минут здесь будут самолеты.

И в этом тоже был весь Джарди: в разгар боя, под пулями, он хладнокровно отмечал, какие из машин снабжены рациями — и оценивал, какова их дальность и как скоро на сцене появятся «Миги».

Улу Бег поднялся.

— Отходим, — прокричал он.

Но было уже слишком поздно. В конце строя три человека выскочили из укрытия и бросились к подбитым бронемашинам, ликуя, потрясая автоматами.

— Нет, — скомандовал Улу Бег. — Стойте...

Однако из строя вырвались еще двое, а остальные обернулись к нему и застыли в нерешительности.

— Назад! — рявкнул он.

— Придется их бросить, — сказал Джарди. — Истребители будут здесь через считанные секунды.

Но одним из нарушителей был Камран Бег, его двоюродный брат, который охранял маленького Апо.

Улу Бег увидел, как его родной сын выскочил из канавы и рванул вниз по склону.

— Что за дьявол? — начал Джарди. — Какого рожна ты...

— Я ничего не сделал. Я...

И тут они увидели танк. Русский «Т-54», огромный, как дракон. Он въезжал в теснину. Никогда прежде танки не забирались так высоко. Улу Бег смотрел, как бронированная махина ползет вперед на своих гусеницах, как приходит в движение орудийная башня. Он двигался неловко, даже

нерешительно, несмотря на всю свою мощь.

– Ложись! – завопил Джарди за миг до того, как танк открыл огонь.

Снаряд накрыл первую тройку бегущих. Они исчезли в пламени. Другие бросились по склону вверх. Их скосила очередь из башенного пулемета.

Маленький мальчик неподвижно лежал в пыли.

Улу Бег рванулся к нему, но что-то прижало его к земле.

– Нет, – услышал он шепот над самым ухом.

Джарди выскочил из канавы и бросился вниз по склону. Автомат он бросил, и в руках у него был только реактивный гранатомет. Он неся, как безумный, не думая ни петлять, ни пригибаться. Несся прямо на танк.

Башня развернулась к нему. Землю вспахала пулеметная очередь, и Улу Бег уже видел, как пули впиваются в Джарди, но тот каким-то образом увернулся в туче пыли и рухнул навзничь.

Танк натужно пополз по склону к ним.

Курд понял, что им конец. Им не подняться обратно, танк расстреляет их. Танк. Откуда он взялся?

Он попытался собраться с мыслями. Но мог думать лишь о сыне, чье мертвое тело лежало на склоне, об отважном американце, распластанном на земле, о своих людях, своих сородичах, которые тоже полягут на этом склоне.

Но Джарди поднялся. Он не был ранен. Он поднялся, с ног до головы в пыли, и застыл, вызываясь поставив одну ногу

на камень. Налетевший ветер развеивал его куртку. Снизу им было слышно, как Джарди сыплет ругательствами в полный голос, почти – сумасшедший! – смеясь.

Орудийная башня снова крутанулась в его сторону. Но Улу Бег уже видел, что теперь Джарди достаточно близко и пушке ни за что не достать его. В тот самый миг, когда дуло повернулось, Джарди выстрелил из гранатомета с одной руки, как из пистолета.

Полыхнуло пламя, граната понеслась, брызгая огнем на лету, и ударила в корпус танка, в плоское место под башней.

Бронированная махина загорелась. Она попятилась, из люка и двигателей начало вырываться пламя. Легкий ветерок разносил дым.

Джарди отбросил пустой гранатомет и быстро подбежал к мальчику. Он подхватил ребенка и вскарабкался по склону к ним, но на лице его не было улыбки.

– Давайте, надо выбираться отсюда, – сказал он. – Давайте.

Он обернулся и закричал:

– Шевелитесь, черт побери, шевелитесь, парни!

Мальчик плакал.

Улу Бег плакал.

– Ты вернул моему сыну жизнь.

– Давайте, быстрее, – подгонял их Джарди.

Они поднялись в горы и были уже по ту сторону кряжа, когда появились первые «Миги».

Улу Бег улыбнулся воспоминанию о том дне.

Впереди высились горы.

* * *

Он добрался до них в сумерках. Под конец, перейдя одну дорогу, он увидел за ней другую, вившуюся по склону горы, но не стал к ней подходить. Там шли машины. В сгущающейся темноте он вскарабкался по остывшим скалам. Откуда-то капала вода. Он отыскал лужицу, а там и родник. От души напился и уселся на землю. Потом съел кусок черствой лепешки и снова напился. Он сидел в прохладной тени, но мог выглянуть и увидеть пустыню, все такую же белую, плоскую и опасную.

Он продолжил подъем. С вершины открывался вид на Туссон. Город был возведен на песке, в котловине, и со всех сторон окружен горами. В центре виднелось несколько высотных зданий, но большей частью это были хлипкие новостройки. Никакого сравнения с Багдадом, невообразимо древним городом на великой реке.

«Такова воля Всевышнего, – подумал он, – и я добрался».

Он вспомнил о Джарди, о танке, о своем сыне и о том, зачем он в Америке, и заплакал.

Он проснулся на рассвете. Открыл рюкзак, сдвинул пистолет в сторону и отыскал запасную рубашу, белую, на кнопках. Натянул ее.

Его хорошо подготовили. И серьезно предостерегли.

«Такого, как в Америке, ты не видел нигде. Женщины там разгуливают с полуголым задом и грудью. Еда и огни повсюду, повсюду. Машины, столько машин, что даже и не представить. И все спешат. Все американцы вечно спешат. Но в них нет страсти. В любом турке есть страсть. У турок, мексиканцев и арабов страсти кипят. Но американцы куда хуже, они ничего не чувствуют. Они двигаются, как будто во сне. Им плевать на своих детей и женщин. Они говорят только о себе».

«Все это ослепит тебя. Жди этого. Мы никак не можем подготовить тебя к потрясению. Даже маленький американский городок – спектакль. Большой же – словно фестиваль всех людей земли. Но помни: гротеском Америку не удивить. Никто ничего не заметит, не скажет, не обратит на тебя никакого внимания. Никто не станет спрашивать у тебя документы, если ты будешь осторожен. Тебе не понадобятся ни пропуска, ни удостоверения. Лицо – вот твой паспорт. Ты сможешь пройти куда угодно».

Улу Бег прокручивал в голове этот разговор, когда на рас-

свете спускался с последней горы на дорогу. Он шел быстро. Ему предстояло преодолеть всего несколько извилистых миль. Мимо проносились машины, не обращая на него никакого внимания. Вскоре на каждом шагу стали попадаться дома, маленькие коробочки из шлакоблоков посреди песка и кустарников. У каждого дома стояли машины, возле некоторых сустились отъезжающие на работу люди.

Улу Бег шагал по улице. Он задержался прочесть надпись на дорожном знаке. Она гласила: «Автомагистраль». Он поравнялся с группой людей, толпившихся на углу. Подошел автобус, пассажиры забрались внутрь. Он прошел еще несколько кварталов и снова увидел ту же самую картину. На третьем углу он сам сел в автобус.

– Эй, пятьдесят центов, – сердито окликнул его водитель.

Улу Бег пошарил по карманам. Его предупреждали об этом. Пятьдесят центов – это две монеты по четвертаку. Он нашел мелочь, бросил ее в коробочку, устроился на свободном сиденье и поехал по шоссе к центру города.

Неподалеку от автовокзала он сошел и принялся приглядывать отель.

«Всегда останавливайся неподалеку от автовокзалов. В небольших местечках, с грязными комнатами, недорогих. Но в отелях, только в отелях. В мотеле обязательно поинтересуются, где твой автомобиль. Придется объяснять, что у тебя его нет. Начнутся расспросы, как да почему. Они решат, что ты псих. В Америке человек без автомобиля – дикость.

Автомобиль есть у каждого».

В обшарпанной части города, напротив мексиканского театра, он нашел гостиницу, как нельзя лучше отвечающую его требованиям. Она называлась «Конгресс» и располагалась между железнодорожным и автобусным вокзалами. ОТЕЛЬ представлял собой четырехэтажное здание с книжным магазином, парикмахерской и лавкой, торгующей ювелирными украшениями.

Он вошел в сумрачный вестибюль, выкрашенный коричневой краской.

Тучная дама подняла на него глаза, когда он подошел к стойке регистрации.

– Да?

– Комнату. Сколько?

– Десять сорок, дорогуша. С телевизором и ванной.

– Да, хорошо.

– Подпишите вот здесь.

Он быстро подписал.

– На день? На два? На неделю? Мне нужно записать.

У нее было припудренное спокойное лицо.

– Дня на два-три. Не знаю точно.

– А, и вот еще что, золотце. Вы позабыли указать, откуда вы. Вот здесь, на бланке.

– Ах да, – спохватился Бег.

Он знал, что напишет. Ему вспомнился единственный американец, которого он знал. Джарди. Где вырос Джарди?

«Чикаго», — вывел он.

— О, Чикаго. Чудесный город. — Она улыбнулась. — А теперь я должна получить с вас деньги, золотце.

Он протянул ей двадцатку и забрал сдачу.

— Поднимайтесь наверх. Вон по той лестнице. Потом по коридору. Ваш номер выходит во двор, там очень тихо.

Он поднялся по лестнице, прошел по темному коридору и отыскал свою комнату. Запер дверь. Вытащил из рюкзака «скорпион», положил его перед собой на кровать и стал ждать полицию.

Никто не пришел.

«У тебя все получилось», — подумал он.

Kurdistan ya naman.

Глава 4

Тревитт нервничал. Во-первых, в помещении собралось слишком много важных персон одновременно. Особых людей, избранных, в том числе и живых легенд, которые управляли всем в конторе. Во-вторых, оборудование. Тревитт не был человеком техническим. Ему трудно ладить с вещами. Не проще ли было бы привлечь к делу какого-нибудь технического гения и поручить эту часть работы ему? Ну конечно, в обычных обстоятельствах. А сейчас обстоятельства были чрезвычайные. Поэтому придется управляться с оборудованием самому.

– Ничего, освоишься, – сказал ему Йост Вер Стиг.

И потом еще слайды. Ради них все и затевалось, они должны были идти в правильном порядке, а Тревитт всего несколько минут назад принес самый последний из фотолаборатории – удастся он или нет, все это время оставалось под вопросом – и не был уверен, что он вставлен в магазин диапроектора правильно. Он мог зарядить его задом наперед, что вызвало бы смех на менее серьезном совещании, но на глазах у такой кучи важного народу ему не хотелось ударить в грязь лицом. А также видеть, как Майлз Ланахан посмеивается в своем углу и списывает с его счета очко, занося его себе в плюс.

– Тревитт, мы готовы? – слышался голос Йоста.

– Так точно, думаю, да, – ответил он, и его слова раскати-сто загрели по всей комнате: его же подключили к микрофону, а он и забыл.

Он наклонился, включил проектор, и на стене загорелся пустой белый прямоугольник. Пока все хорошо. Если он еще найдет... ага, вот он, стервец – переключатель на шнуре, подсоединенном к проектору. Ну вот, теперь, если оно сработает так, как написано в инструкции, все будет...

Он нажал на кнопку, и раздался щелчок, как будто взвели курок пистолета.

На экране появилось лицо. Нежное лицо совсем зеленого юнца, не старше восемнадцати, – глаза, ошалевшие от радости, короткий ежик взмокших от пота волос и тощие руки, торчащие из рукавов майки.

– Чарди в возрасте восемнадцати лет, – пояснил Тревитт. – Его школа только что победила в классе «Б» чемпионата Чикагской католической лиги. Дата – двенадцатое марта тысяча девятьсот пятьдесят восьмого года. Фотография взята из вышедшей на следующий день «Чикаго трибьюн». Это крупный план, за кадром остался кубок – жутко аляповатая посуда. В общем, Чарди заработал... у меня где-то тут записано...

– Двадцать одно очко, – подал голос Майлз Ланахан. – Включая штрафной после истечения игрового времени, который принес «Сент-Питу» победу с перевесом в одно очко.

– Спасибо, Майлз, – сказал Тревитт, а про себя подумал:

«Ах ты ублюдонок».

– В общем, – продолжал он, – как видите, он был героем еще в юности.

Герои были пунктиком Тревитта. Его слабостью, его всепоглощающей страстью. Когда он шел по улицам, разглядывая в витринах свое сугубо мирное отражение, то втайне мысленно примерял на себя экзотическую форму и снаряжение: лесной камуфляж, измазанный в грязи и помятый, широкополые шляпы, кривые ножи. И оружие, при помощи которого прошедшие огонь и воду профессионалы делали свою работу: винтовки «М-16», автоматы Калашникова – извечные противники в сотнях тысяч перестрелок шестидесятых и семидесятых. Или шведский пистолет-пулемет «М-45» – излюбленная игрушка головорезов из ЦРУ во Вьетнаме. А также маленькие, компактные «Мак-10» и «Мак-11», еще одни модные фавориты.

– Настоящее его имя Дьердь, – продолжал Тревитт, – оно венгерского происхождения. Его отец был врачом, эмигрировал в Штаты в тридцатых. Мать – ирландка. Тихая женщина, до сих пор живет в квартире в Роджерс-Парк.⁸ Папаша у него был немного чокнутый. Пил по-черному, поэтому лишился частной практики и кончил врачом на сталелитейном заводе. После выхода на пенсию отправился в дом престарелых, где и умер. Однако при всем том он был ярым антикоммунистом и ревностным католиком. Он забивал сы-

⁸ Роджерс-Парк – район Чикаго.

нишке голову всякой чепухой о красных. И хотел вырастить из него настоящего мужчину, истязал по-всякому, чтобы закалить. Он...

– Джим, давай к сути, – послышался из темноты строгий голос Йоста.

– Да-да, простите.

Тревитт был убежден в том, что ему послышалось хихиканье Ланахана.

Еще два быстрых щелчка: Чарди – гордость спортивной команды колледжа, Чарди, обритый наголо, в форме морпеха-новобранца.

– Учебный лагерь офицеров морской пехоты после выпуска из колледжа, – возвестил Тревитт.

Он слышал о Чарди уже не впервые. В отделе истории, куда его совсем недавно распределили, он редактировал мемуары выходящих в отставку офицеров, которые получали от управления плату за то, что на лишний год оставались в Лэнгли и занимались писательством. Во-первых, чтобы их возможная тяга к литературной деятельности воплощалась в жизнь не бесконтрольно, и, во-вторых, чтобы собрать историю методов и средств ведения тайных войн. В этих отчетах то и дело всплывали грани и составные части личности Чарди. Воспоминания о нем красной нитью проходили и сквозь десяток других источников, порой под вымышленным именем. Он был в своем роде местной знаменитостью.

– А здесь он, – объявил Тревитт, щелкнув кнопкой, – сре-

ди нунгов.⁹

Чарди попал в контору в шестьдесят третьем – шестьдесят четвертом, в самом начале Вьетнамской войны. Он служил в морской пехоте, где какое-то время был взводным, потом – командиром роты, а под конец остался на сверхсрочную службу и стал офицером разведки – координировал действия южновьетнамских рейнджеров, а время от времени и сам участвовал в разведывательных вылазках по окрестностям демилитаризованной зоны. Но один бонза из управления по имени Френчи Шорт уговорил его перейти в контору, которой в то время отчаянно требовались обладающие опытом боевых действий в джунглях военные.

Теперь на стене был любимый слайд Тревитта – любимый потому, что картина на нем была несомненно героическая: двое, Пол и Френчи, среди китайских наемников, которых они тренировали в глуши, вдали от законов и цивилизации ходить в молниеносные атаки с последующим стремительным отходом.

– У него были две продолжительные командировки к нунгам, – сообщил Тревитт мужчинам в тихой комнатке в Лэнгли, штат Виргиния, – в промежутке между которыми он обучался в нашей спецшколе в Панаме.

Они были сняты вместе. Чарди, похудее и помоложе, с побледневшим от ярости, обветренным ирландским лицом, и более старший по возрасту Френчи, коренастый, стрижен-

⁹ Нунги – одна из народностей Вьетнама.

ный под ежик, плотный, но не толстый. Его богатырское сложение наводило на мысль скорее о мощи, чем о неповоротливости. Оба были в пятнистых камуфляжных комбинезонах нештатного образца, так называемых «тиграх», и без шляп. Пол сжимал автомат Калашникова, изо рта у него нахально торчала сигарета, Френчи был вооружен пистолетом-пулеметом и улыбкой. Их окружали малютки китайцы в таких же камуфляжных костюмах – множество хмурых раскосых лиц, в своей бесстрастной суровости казавшихся почти индейскими. Маленькие жилистые человечки с карабинами, гранатами, парой-тройкой «томпсонов» и громоздкой автоматической винтовкой Браунинга – это было еще до того, как во Вьетнаме появились новенькие черные пластиковые «М-16». От этой картины веяло девятнадцатым веком: два белых небожителя, окруженные желтолицыми головорезами. И все же эти белые люди в чем-то неуловимом сами походили на азиатов, в них чувствовалось что-то первобытное, что-то дикарское.

– Боже, это же старина Френчи Шорт, – произнес кто-то; Тревитт решил, что это Сэм Мелмен. – Тот еще был фрукт, правда? Господи, я до сих пор помню, как он прижучил Че в Боливии. Он еще всю Корейскую прошел. И был в составе тех, кого мы забросили в залив Свиней – высадился одним из первых и эвакуировался одним из последних.¹⁰

¹⁰ Имеется в виду неудачная попытка свержения режима Фиделя Кастро, имевшая место 9 апреля 1961 года в бухте Кочинос на южном берегу острова Куба,

– Да, Френчи был бесподобен, – согласился еще кто-то; Тревитт узнал голос Йоста Вер Стига. – Я и не подозревал, что они с Полом старые друзья.

– Это Френчи привел Пола в чувство после того, как тот задал взбучку Саю Брашеру, – добавил третий голос.

– Это был звездный час Пола в управлении, – сказал кто-то.

Сэм?

Все засмеялись.

Это точно, подумал Тревитт. Несмотря на всю свою отвагу и закалку, Чарди был на удивление тонкокожий и совершенно терялся перед педантами и бюрократическими снайперами того сорта, что слетались в разведслужбы, как мухи на мед. Оба его домашних периода, рутинные административные перерывы, которые полагалось время от времени делать всем кадровым офицерам, обернулись катастрофой. А в Гонконге Чарди сошелся с Саем Брашером в схватке, которую до сих пор именовали шестисекундной войной. Это произошло в семьдесят первом, во время возвращения Чарди от нунгов из своей второй изнурительной и долгой командировки.

Брашер любил рекомендоваться гарвардцем сорок девятого года выпуска. Он был высокомерным индюком, одержимым страстью поучать всех и каждого. Никто его терпеть не

когда под прикрытием авиации и кораблей США на берег высадились бригада наемников, завербованных, подготовленных и укомплектованных ЦРУ.

мог, однако у него имелись обширнейшие связи (ну как же, он ведь происходил из семьи тех самых Брашеров!), благодаря которым он и дослужился до начальника отделения в Гонконге. За первые три секунды этой самой войны с Чарди он получил перелом носа и лишился двух зубов, в следующие три схлопотал несколько ударов, итогом которых стали два сломанных ребра.

– Меня до сих пор беспокоит этот парень, Йост, – обратился кто-то к Стигу. – Видит бог, я не переваривал Сая Брашера. Но младшие чины не должны раздавать оплеухи начальникам отделений, даже если эти начальники круглые идиоты. И если нам приходится полагаться на такого человека, как Пол Чарди, значит, положение у нас отчаянное.

– Так оно и есть, – ответил Йост. – Тревитт?

Тот послушно нажал на кнопку, и на экране появился портрет Джозефа Данцига.

– Снимок сделан в тысяча девятьсот семьдесят третьем году. В том же году, – пояснил Тревитт, – когда проводилась операция «Саладин-два».

* * *

Знаменитое лицо Данцига царствовало в комнате. Можно было бы вообще его не показывать, честное слово, подумал Тревитт, им ведь всем прекрасно известно, как он выглядит, и все отлично помнят, каким было управление при Данциге.

Оно было его вотчиной, продолжением его «я», оно существовало лишь для того, чтобы служить его воле. А он платил за эту собачью верность, за это рабское подчинение презрением и насмешкой.

Все собравшиеся в этой комнате испытали на себе его влияние, работали в его тени или под его началом, пытались угадывать его желания. Джозеф Данциг, профессор Гарвардского университета и член консультативного комитета Рокфеллера по иностранным делам, состоял госсекретарем при одном президенте. В своем роде он был почти так же знаменит, как и другой ученый и внешнеполитический деятель, Генри Киссинджер, его сокурсник по Гарварду и во многих отношениях соперник и ровня. Они даже начинали одинаково: Киссинджер родился в еврейской семье в Германии, Данциг, чью непроизносимую фамилию заменил названием его родного города безвестный чиновник американской иммиграционной службы, – в семье евреев в Польше.

Но «Саладин II» и Данциг связаны в некотором смысле так же тесно, понял вдруг Тревитт, как «Саладин II» и Чарди. Без Данцига не было бы и «Саладина II». Операция была подготовлена по его указке, спроектирована по его расчетам, начата по его прихоти и свернута по его воле.

– Большинство из вас в курсе о «Саладине-два», – сказал Йост Вер Стиг, который вел совещание. – Те, кто не в курсе, в самом скором времени о нем узнают. Все, что происходит сейчас, уходит корнями в то, что происходило тогда. Кризи-

сом, который мы имеем, мы обязаны этому вот прославленному деятелю.

«Прославленный деятель». Это была нетипичная попытка сострить в устах Йоста: обыкновенно чувство юмора у него отсутствовало как таковое. Возможно, он просто нервничает, ведь в его задачу входит помешать курду совершить то, что внушило такой страх людям в этой комнате. А напуганы они будь здоров, за исключением Майлза, который не боится ни бога, ни черта.

Йост начал кратко излагать то, что уже было известно Тревитту. Целью «Саладина II» было давление. Нажим, призванный немножко подправить ситуацию в одну сторону там и в другую сторону сям, хитроумное нагромождение пружинок, рычажков и приспособлений, чтобы дергать за хвост Советский Союз. При разработке плана в расчет абсолютно не принималась – и это тоже было фирменной чертой Данцига – его стоимость в человеческих жизнях.

Операции «Саладин II» положила начало жалоба покойного шаха Ирана: в разговоре с одним американским президентом тот посетовал на трудности с беспокойным арабским соседом, радикальным просоветским режимом Ахмеда Хасана аль-Бакра в Ираке. Нельзя ли, поинтересовался шах, каким-нибудь образом подействовать на воинственных иракцев с их новенькими танками «Т-54», ракетами класса «земля – воздух», докучливой русской пехотой и военными советниками?

По спорным территориям на севере Ирака и Ирана была рассредоточена народность, называемая курдами, которые мечтали о мифическом царстве Курдистан. Курды, пылкий индоевропейский народ, гордый и независимый, были потомками грозных мидийцев древности и, по некоторым утверждениям, несли в себе гены легионеров Александра. Поэтому, возможно, среди них было столько светловолосых и веснушчатых людей с голубыми глазами и вздернутыми носами – этаким островок северной белокурости в море смуглых детей Средиземноморья. Курды были вынуждены подлаживаться под всех, кто их завоевывал. Циники, они не ждали от мира ничего хорошего; одна из их безрадостных пословиц гласила: «У курда нет друзей». На фоне аппетитов сверхдержав их стремления казались ничтожными: они лишь желали иметь свои школы, свой язык, свою литературу – и чтобы весь внешний мир оставил их в покое. Они хотели иметь свою землю, свою родную страну, которую собирались назвать Курдистаном.

Шах недолюбливал курдов, но придумал, как их можно использовать. Этот народ обладал бурной историей восстаний против... да почти против всех. В свое время они с равным пылом сражались с турками, персами и иракцами.

Решением всех проблем стала, выражаясь профессиональным языком, секретная акция. Проще говоря, небольшая война. Она была предложена государственным секретарем Соединенных Штатов Джозефом Данцигом и осуществ-

лена по его особому требованию оперативным директором Центрального разведывательного управления.

Тревитт щелкнул кнопкой.

Новая фотография была расплывчатой, снятой с полным презрением к эстетике. В человеке, запечатленном на ней, было что-то жертвенное. Трагизм его чертам придавала раскидистая поросль кустистых усов на совсем еще юном лице. На тощей шее выпирал кадык. Маленькие глазки смотрели живо и проницательно. Человек выглядел спокойным, несмотря на испуг от неожиданной вспышки.

– Мы полагаем, – начал Тревитт, – что это Улу Бег. Завтра Чарди сможет подтвердить или опровергнуть это. В любом случае, в одном из ранних донесений Чарди по «Саладину-два» он упоминал, что кто-то сказал ему, будто курд учился в американском университете в Бейруте. Английский он, очевидно, выучил в американской школе под Киркуком – она там была неплохая. Такую возможность он, вероятно, получил благодаря стипендии агентства по международному развитию.¹¹ В те дни АМР обучало половину Ближнего Востока.

– А финансируем АМР, разумеется, мы, так что в конечном итоге это мы обучили его английскому, – заметил Йост.

– Мы считаем, что это фотография Улу Бега в возрасте

¹¹ Агентство США по международному развитию (АМР США) – агентство при правительстве США, целью которого является проведение правительственных программ по социально-экономическому развитию и оказанию гуманитарной помощи в различных странах мира.

девятнадцать лет, во время учебы в американском университете в Бейруте. Это фото досталось нам с большим трудом – оно взято из картотеки ливанской полиции. Он был арестован в конце первого года членства в Курдском литературном кружке – это название можно смело заменить на «революционную организацию». Снимок сделан ливанскими полицейскими по требованию иракских чиновников. От ливанцев он без труда ускользнул, и никому больше не удавалось взять его до «Саладина-два».

Лицо внимательно смотрело на них со стены.

Тревитт силился разгадать его. В нем не было почти ничего ближневосточного. Просто лицо пылкого юнца, застывшее в резком свете полицейской вспышки. Наверное, ему было страшно, когда его снимали, он не знал, что происходит, что его ждет. Вид у него немного затравленный и бешеный одновременно. Очень широкие скулы – они придают лицу почти азиатский вид. И нос как клинок, даже анфас, здоровенный костлявый клюв.

– Ключевым документом начиная с этого момента, – сказал Йост, – будет отчет АФТАСТ 243352-B/«Саладин II». Настоятельно рекомендую тем из вас, кто еще не видел его, ознакомиться с ним в архиве. Те, кто имеет допуск соответствующего уровня, могут также запросить этот документ через свои компьютерные терминалы.

– Знакомый номер, – с легким смешком произнес хорошо поставленный жизнерадостный голос.

Тревитт узнал Сэма Мелмена – это он, будучи начальником финансово-планового отдела оперативного директора, составил АФТАСТ 243352-В по безрадостным результатам «Саладина II». Знавшие о существовании этого документа между собой называли его «Отчет Мелмена».

Теперь Сэм занимал должность заместителя директора ЦРУ по оперативной работе. Те, кто поддержал смех Сэма, были его нынешние подчиненные, элита управления.

Тревитт видел «Отчет Мелмена»: несколько красных (чтобы предотвратить фотокопирование) машинописных листов дурного качества, собрание отрывочных записей, скупое свидетельство неудачного чрезвычайного происшествия.

– Ты ведь не собираешься зачитать нам его целиком? – поинтересовался кто-то из темноты. – Согласен, положение критическое, но не до такой же степени!

Сэм хохотал громче всех.

– Нет, – успокоил вопрошавшего Йост. – Но мы подумали, что у вас должна быть возможность узнать все обстоятельства.

Этот документ не давал Тревитту покоя, он преследовал его. Чарди вел себя перед Мелменом крайне странно. Тревитт перечитывал отчет снова и снова, пытаясь разгадать его секреты, постичь тайный смысл, скрытый между строк. Бедняга Чарди. Мелмен отчитал его, как мальчишку. Чарди почти ничего не мог сказать в свою защиту и, вызванный да-

вать показания под присягой, мямлил что-то невнятно и виновато, как будто был не в себе или резко поглупел... или играл в какую-то более сложную игру.

Он с легкостью признал все свои нарушения, все ошибки, все просчеты, все недальновидные действия.

Тревитт помнил стенограмму почти наизусть:

Мелмен: Вы действительно вторглись на территорию Курдистана и вели боевые операции? В нарушение всех приказаний, установок, всех писанных и неписанных правил управления. Вы действительно вели боевые операции под личиной курда?

Чарди: Э-э. Да. Наверное.

Мелмен: Мистер Чарди, один источник сообщает даже, что вы были замечены на месте засады, в глубине Ирака, в окрестностях Равандуза.

Чарди: Да. В тот день я подбил танк. Просто мокрого места от него не...

Мелмен: Мистер Чарди. Когда вы строили из себя ковбоя, вам ни разу не приходило в голову, какому оскорблению, какому унижению вы тем самым подвергаете свою страну, в какое неловкое положение поставит ее факт поимки одного из ее тайных агентов на территории финансируемого Советами государства в компании вооруженных повстанцев?

Чарди: Да. Я просто думал, что меня не поймают. (Смеется.)

– Тревитт! Тревитт!

– Э-э. Да, сэр.

Опять его поймали за витанием в облаках.

– Следующий слайд.

– О. Простите.

Он нажал кнопку, и курд исчез.

Кто-то присвистнул.

– Да уж, хороша, правда? – заметил Йост.

– На разбирательстве Чарди отказался о ней говорить, – сказал Мелмен. – Заявил, что это его личное дело и нас оно не касается.

Фотография Джоанны была сделана совсем недавно. Лицо решительное, честное и немного дерзкое. Нос чуточку крупноват, подбородок излишне волевой, рот слишком прямой. Светлые волосы спутаны, но она этого не замечает. Вся какая-то угловатая. Глаза затемнены большими круглыми очками в роговой оправе, на лоб упал завиток. Вид слегка раздраженный, как будто она куда-то опаздывала или просто была не в духе.

А ведь она красивая, понял Тревитт, только это необычная, суровая красота, непривычное сочетание неправильно-стей, которые сошлись в этом лице неожиданным и притягательным образом.

– Этот снимок один из ребят из технического отдела сделал на прошлой неделе в Бостоне, где она преподает в альма-матер мистера Мелмена, – сказал Йост.

– Когда я учился в Гарварде, преподаватели так не выглядели.

Снова Сэм.

– Мисс Халл каким-то образом оказалась в Курдистане. Каким именно, нам неизвестно. По возвращении она отказалась разговаривать с чиновниками из Государственного департамента. Но она – ключ ко всему делу. У Чарди был с ней роман, там, в горах.

Слово «роман», донесшееся до Тревитта из темноты, в которой Йост казался лишь смутным силуэтом, звучало из его уст как-то странно: обычно Йост не любил пускаться в рассуждения относительно определенной области человеческого поведения, включая любовные и сексуальные отношения. Он был приверженец фактов и цифр. И все же он произнес это слово, как будто выдавил из себя.

– Вот увидите, Чарди до сих пор ее любит, – прозвенел резкий голос Майлза Ланахана. – Он такой.

Женщина со стены взирала на них с ледяной надменностью. На ней был свитер с воротником-хомутом и твидовая, спортивного стиля куртка. Снимок, очевидно, сделали с расстояния в полмили через какой-нибудь хитрый объектив: вся перспектива казалась непропорционально сжатой, а увитый вековыми плетями плюща старинный дом с башен-

ками, башнями, парапетами и десятками фронтонов у нее за спиной, наоборот, разросся до угрожающих размеров.

– Чарди не получал задания пробраться на территорию Курдистана. Эта женщина не имела права там находиться. И тем не менее, они оба там оказались, в самом его сердце, вместе с Улу Бегом. Они были там до конца. В каком-то смысле они и были концом.

Йост еще сдержанно излагает события, подумалось Тревитту. Прозаическая правда заключалась в том, что где-то в марте 1975 года шах Ирана по настоянию и при поддержке Джозефа Данцига подписал секретный пакт с Ахмедом Хасаном аль-Бакром. Курдская революция, шедшая полным ходом, стала разменной монетой. Данциг отдал приказ, ЦРУ повиновалось.

Курдам перекрыли кран, обеспечение прекратили; их изгнали из Ирана.

Чарди, Бега и дамочку Халл застукали по другую сторону границы.

Чарди захватили силы безопасности Ирака. Халл, Бег и его люди бежали под натиском армии Ирака. Куда? Да никуда. Тревитт знал, что Йост не станет упоминать об этом, что даже великий Сэм Мелмен не станет упоминать об этом.

Но одно место из показаний Чарди вновь и вновь не давало Тревитту покоя.

Чарди: А как же курды?

Мелмен: Мне очень жаль. Курды в сферу этого

расследования не входят.

Окончательные подробности были весьма зыбкими, Тревитт знал это. Никто и никогда их не проверял, о них не были написаны книги, их не раскапывали журналисты. Существовал лишь отчет Мелмена, а его трактовка была весьма поверхностной. Сам Джозеф Данциг пока никак его не прокомментировал. В первом томе своих мемуаров, озаглавленных «По заданию Белого дома», он пообещал попозже затронуть курдский вопрос, но второй том пока так и не увидел свет, и кое-кто утверждал, что может никогда его и не увидеть. Слишком хорошие деньги Данциг зарабатывал ораторскими выступлениями.

Впрочем, участь, постигшая трех главных персонажей, была известна. Взятого в плен Чарди переправили в Багдад, где его допрашивал офицер КГБ по фамилии Спешнев. Тревитту было известно, что его поведение под нажимом стало предметом споров. Одни утверждали, что он держался как герой, другие заявляли, что он постыдно раскололся. Обсуждать этот вопрос с Мелменом Тревитту не хотелось.

После шестимесячного пребывания в московской тюрьме его вернули в США.

Джоанна Халл непостижимым образом объявилась в Резайе¹² в апреле 1975-го и вернулась в Соединенные Штаты, к своей жизни в Гарварде. С тех самых пор она жила тихо и мирно. Если, конечно, не считать того, что трижды пыталась

¹² Резайе (Урмия) – город на северо-западе Ирана, близ озера Резайе.

покончить с собой.

Улу Бег, по сведениям из одного источника, был в конце концов взят в плен иракскими силами безопасности в мае 1975 года, и в последний раз его видели в багдадской тюрьме.

Судьба его людей – его племени, его рода, его сыновей – осталась неизвестной.

– Свет, – велел Йост.

Тревитт на секунду замешкался, потом нащупал выключатель и щелкнул им.

Комнату залил яркий свет, и люди принялись моргать и потягиваться после долгого сидения в темноте.

Йост поднялся.

– Вот вкратце и все, – подытожил он. – Я хотел, чтобы вы были в курсе. Чарди прибывает завтра.

– Господи, вы притащили его сюда?

– Нет, не в управление. Мы ведем эту операцию из проверенного офиса в Росслине, на берегу Потомака, напротив Джорджтауна.

– Йост, надеюсь, вы сможете удерживать этого Чарди в узде. Временами он по-настоящему бешеный.

– По-моему, вы не понимаете, – вмешался Майлз Ланахан.

Он улыбнулся, обнажив нечищенные зубы. Этот тщедушный юнец уже успел заработать себе репутацию своим безжалостным умом. Он был начисто лишен сантиментов, чепу-

ха в духе «старых ковбоев» его не трогала. Начинал он компьютерным аналитиком в «яме», как на жаргоне управления именовали видеодисплейный терминальный комплекс в подвале главного здания в Лэнгли, и за рекордно короткий срок в два года сумел выбраться оттуда. Все остальные его немного побаивались, особенно Тревитт.

– Ладно, Майлз, – осадил его Йост. – Хватит.

«Получил, приятель», – порадовался Тревитт.

Но Майлз все же оставил последнее слово за собой.

– План в том, – заявил он, – чтобы его не удерживать.

Глава 5

Чарди порой казалось, что он не сошел с ума лишь благодаря баскетболу.

Под конец «Саладина II», в подвале, когда ему приходилось хуже всего, он думал не о Джоанне, не о курдах, не о родине и не о своем задании – все это больше не поддерживало его. Он думал о баскетболе. Он взвивался в воздух и в прыжке посылал воображаемые мячи со всех точек огромной площадки в корзину. Они взмывали, падали и – о чудо! – ни разу даже не задели металлическое кольцо. Игра все больше и больше завладевала его воображением, вторгалась в самые темные закоулки сознания, изгоняла оттуда паутину, заглушала гаденькие ростки сомнения. Уже потом она стала для него чем-то большим. В нее он вкладывал всю свою энергию, весь жар души, все свое разочарование и неудовлетворенность, все свое возмущение – свою ненависть. Игра была верна ему, как ни один человек или организация на свете. Она полностью поглощала Чарди.

И сейчас, накануне самого важного дня в его жизни, игра не подвела. В последнее время удары его утратили свою меткость, ноги были тяжелыми и непослушными, пальцы – неловкими. Но все это осталось в прошлом: сегодня вечером он не мог промахнуться. Он бил снаружи, изнутри, но обычно с лицевой линии, в кольцо, лишенное щита, и пото-

му не имел права даже на крохотную ошибку; и мяч, вращаясь, подлетал под потолок и падал точно в корзину. Это была всего лишь игра дворовой лиги, большей частью состоявшей из тех, кто когда-то занимался баскетболом в колледже, как он сам, и чернокожих ребятишек, которым колледж не светил. Проходила она в полутемном обшарпанном зальчике, пропахшем потом и лаком, с темной паутиной ржавых железных балок на потолке.

Но для Чарди сейчас, кроме этой баскетбольной площадки, не существовало ничего – ни внешнего мира, ни Спейтов с Мелменами и Улу Бегами. Здесь царила абсолютная объективность: ты бьешь – мяч летит или в корзину, или мимо. Здесь не было ни апелляций, ни политики, ни замысловатой интерпретации результатов. Либо попал, либо нет.

Под конец даже наглые черные парни передавали ему пасы – только ради того, чтобы посмотреть, как мяч полетит в кольцо.

– Чувак, ну ты крут, – крикнул один.

– Давай забей! – завопил другой.

Чарди хотелось, чтобы игра не кончалась никогда, но она все же завершилась. Команда, за которую он играл, представлявшая какого-то производителя хирургических инструментов, в пух и прах разгромила соперников, представлявших укладчика линолеума. Разрыв составлял двадцать восемь очков и мог бы быть еще больше. Прозвучал свисток, и игроки остановились. Одни шлепали его по задку, другие хлопали по

спине, третьи жали руку.

– Сегодня ты звезда, – сказал кто-то.

– Я ведь не мог промахнуться, верно?

– Ни за что, приятель, ни за что.

Чарди бросил последний взгляд на площадку – там разогревались две следующие команды, игравшие за сеть бензokolонков и сеть магазинов мороженого. Чарди не имел к ним никакого отношения, но ему не хотелось уходить. Под ноги прикатился мяч. Чарди поднял его и почувствовал, как кожаный шар упруго пружинит под пальцами. Он взглянул на корзину и прикинул, что до нее около пятидесяти футов.

«Бей», – подумал он.

Но тут к нему вприпрыжку подбежал черный игрок, и Чарди без единого слова кинул мяч ему и вышел прочь. Он натянул куртку и двинулся к дверям и к тому, что ждало его за ними.

Глава 6

Чарди долго смотрел на снимок. Он. Улу Бег. На много лет моложе и все-таки Улу Бег.

– Это он.

– Хорошо. Не так-то легко нам было заполучить это фото, – заметил Тревитт, тот, что помоложе, хилый, заузного вида тип, нескладный и рассеянный.

– Давным-давно, – продолжал Чарди. – Много лет назад.

– Понятно, – сказал Тревитт. – Теперь вот этот.

Проектор щелкнул, и на стене унылого кабинета в Россли-не появилось пухлое лицо, лицо благополучного, солидного человека.

– Сдаюсь, – заявил Чарди.

– Приглядитесь повнимательней, – велел Йост Вер Стиг. – Это важно.

«А то я без тебя не знаю, что это важно», – мысленно огрызнулся Чарди.

– И все равно я не... э-э... да. Да.

– Мы попросили нашего художника нарисовать, как Улу Бег мог бы выглядеть сейчас. На двадцать лет старше, немного раздавшийся, американизировавшийся.

– Может, и так, – сказал Чарди. – Только я в последний раз видел его семь лет назад. – Он выглядел...

Пол запнулся. Слова не были его сильной стороной, он

никогда не мог заставить их выразить то, что он хотел.

– ...более свирепым, что ли. Этот парень двадцать лет провел на войне. И десять из них был партизанским командиром. А вы сделали из него какого-то Рыцаря Колумба.

У второго юнца, Майлза... как же его... какая-то ирландская фамилия... вырвался резкий смешок. Он походил на язвительное квохтанье, а сам Майлз – на какого-нибудь ирландского гнома, елеинный маленький стервец. Зато он знал, кто такие Рыцари Колумба.¹³

– Ну, – обиделся Тревитт, – это очень опытный художник. Он работал всю ночь. Мы получили снимок только вчера. Это единственная доступная фотография Улу Бега.

– Взгляните-ка сюда, Пол, – сказал Йост Вер Стик. Джоанна.

Чарди не мог отвести от нее глаз. Это было лицо из бесконечных снов, которые преследовали его в последнее время по ночам. Оно естественным образом вплелось в вереницу этих мучительных ночей и потрясло его почти физически.

– Снимок совсем свежий, – заметил Йост.

Чарди смотрел на изображение. У него возникло такое ощущение, будто он в темной кабинке пип-шоу за четвертак получает свою порцию бессмысленного возбуждения в компании чужих незнакомых мужчин.

– Думаю, недельной давности. Так, Майлз? – спросил Йост.

¹³ Рыцари Колумба – американская католическая организация.

– Сделан в прошлый вторник.

Голос у Майлза был уверенный и самодовольный, с заметным чикагским выговором.

– Сильно она изменилась за семь лет?

– Нет, – только и в состоянии был ответить Чарди, задетый ритуалом, который предполагал этот снимок: какой-нибудь зачуханный хлюпик из техотдела припарковал свою машину или фургон в нескольких кварталах и после трехдневного выслеживания щелкнул ее двухсотмиллиметровым объективом «Никона» из-за зеркального стекла.

Он потерял сухие ладони. Взглянул на три силуэта: Йост, воплощение безжизненности, и двое ребят помладше, мечтательный Тревитт и гнусный Майлз – да как же его? – коренастый ирландский крепыш из Чикаго.

– Вам известно, – подал голос из угла Майлз, – что после своего возвращения она трижды пыталась покончить жизнь самоубийством?

Странная душевная боль пронзила Чарди. Он сглотнул вставший в горле ком и почувствовал, как сильно заколотилось сердце – во всяком случае, так ему показалось. Кулаки у него сжались.

– Я не знал об этом. Мне ничего не известно о том, что с ней стало.

Чарди почти чувствовал, как Майлз улыбается в темноте. Спейт упомянул что-то о том, что тот отлично разбирается в компьютерах. В суматохе знакомства Чарди взглянул на ир-

ландца лишь мельком, и в памяти отложился низкорослый, смуглый, неопрятный человечек, скорее даже юнец, которому не было еще тридцати, с сальными черными волосами. Он походил на церковного служку – такие бывают в каждом приходе. Они ходят за настоятелем или настоятельницей по пятам и годами черпают в этом власть.

– В семьдесят седьмом она резала вены, – уточнил Ланахан. – В семьдесят девятом наглоталась таблеток, и в последний раз в прошлом году – тоже таблетки. Чуть концы не отдала.

Чарди кивнул, не отрывая глаз от изображения женщины на стене.

Почему, Джоанна?

Но он знал почему.

– Университет отправлял ее к самым разнообразным психиатрам, – продолжал Ланахан. – Мы раздобыли ее медкарты. Это было не так-то просто.

Но Чарди не слушал. Он рассматривал свои запястья.

Он вскрыл себе вены в апреле семьдесят пятого, после длительного допроса в КГБ. Он помнил затопившее его тогда облегчение, помнил, как течет кровь и вместе с ней отступают все беды мира. Безмерная и бездумная легкость овладевает тобой. Манящая, блаженная. Ему вспомнилось, как он выкрикнул в лицо офицеру, который наблюдал за его допросом: «Спешнев, я все равно выйду победителем!»

Но его спасли.

– Это все? – спросил Тревитт.

– Да, – ответил Вер Стиг, и картинка погасла.

Тревитт раздвинул шторы, и в комнату хлынул свет.

Чарди долго смотрел в стену, с которой исчезло ее изображение. Потом повернулся к остальным.

– Итак... Пол. Можно мне называть вас по имени? – спросил Йост.

Чарди не мог различить его глаз за стеклами строгих очков в розовой оправе – высокопоставленные правительственные чиновники почему-то любили такой стиль.

– Пожалуйста, – пожал плечами Чарди.

– В Соединенных Штатах Улу Бег знает всего двух человек. Вас и Джоанну Халл. И к вам за помощью он придет вряд ли.

Чарди кивнул. Да, Улу Бег вряд ли придет к нему – за помощью.

– Значит, остается только эта женщина.

– Вы считаете, что он объявится у нее?

– Я ничего не считаю. Я рассматриваю только вероятные события. Скорее всего, он отдает себе отчет, как трудно в нашей стране вести дела, не имея никакого тыла. Значит, вполне вероятно, он попытается обзавестись им. Вполне вероятно, его одолеет соблазн довериться какому-нибудь человеку, который разделяет его чувства к курдам. Наконец, вполне вероятно, что он объявится у нее. Вот и все.

– Можно попытаться предугадать его жертву, – заметил

Чарди.

– Можно. Но если догадка окажется неверной, можно оказаться в таком положении, из которого потом никогда не выпутаешься. На данный момент у нас нет никаких данных относительно его цели, никаких вероятностей. Положение может измениться, но пока этого не произошло, я решил сосредоточиться на вероятных событиях.

Чарди кивнул.

– Итак, нам остается только гадать, Пол, – продолжал Йост.

Из-за причудливой игры отражений в толстых стеклах очков глаза его были скрыты за двумя озерцами света.

– Тут для нас авторитет – вы. Вы знаете их обоих. Кажется правдоподобным, что он появится у нее? В смысле, вам кажется? У вас есть такое ощущение? И если да, как она отреагирует? И самое последнее, пойдет ли она на сотрудничество с нами? Или, вернее, с вами?

Не успел Чарди сформулировать ответ, как влез Майлз.

– Нам известно, что она не из активистов. Она не связана ни с какой дурацкой политической группировкой, не ходит на демонстрации, не занимается всякими глупостями, не спит с чокнутыми революционерами. Спокойная, благоразумная женщина, если не считать проблем с головой. Ни в каких глупостях она не замечена.

Он проглядел стопку листов, лежащую перед ним, – видимо, досье Джоанны. Господи, сколько же они о ней знают,

подумал Чарди. Мысль о том, что короткие пальцы Майлза роются в жизни Джоанны, оскорбляла его. Его влажные ручки на ее фотографии, ее документах.

Майлз улыбнулся, продемонстрировав нечищенные зубы. Кто спасет тебя от этих людей, Джоанна?

«Я», – подумал он.

И тут же вспомнил о ее единственном контакте с ним, об ответе на пятнадцатистраничное письмо, которое он послал ей, когда вернулся из советской тюрьмы. Это была открытка с пошленьким видом Майами-бич, на которой было написано: «Нет, Пол. И ты знаешь почему».

– Пол?

– Простите, я...

– Вопрос в том, – вежливо сказал Йост, – обратится он к ней или нет? И станет ли она ему помогать?

– Она станет помогать нам, – ответил Чарди.

– Бросьте, Пол, – встрял Майлз... – Ланахан! Точно, Ланахан. – Черт побери, да она была помешана на курдах. Если вы проанализируете ее прошлое, как это сделали мы, вы придете точно к такому же выводу. В шестьдесят девятом она побывала в Иране с «Корпусом мира».¹⁴ В семьдесят третьем вернулась, чтобы преподавать в колледже в Резайе. Диссертацию защитила по курманджи, диалекту курдского языка.

¹⁴ «Корпус мира» – агентство, созданное в 1961 году по инициативе президента США Дж. Кеннеди с целью формирования положительного образа США в развивающихся странах. В задачи агентства входило оказание помощи населению развивающихся стран.

Она совершила паломничество в Мехабад, где в сорок шестом году была провозглашена их республика.¹⁵ Один из митротворцев рассказал нам, что она плакала на улице Четырех Фонарей, где иранцы вешали курдских мучеников.

– Все это так, – согласился Чарди. – Но она слишком умна, чтобы ввязываться во всякие глупости. Она очень умная женщина. Исключительно умная. Она не станет заниматься такой дурью. Улу Бег там или не Улу Бег.

– Если он появится у нее, она поможет нам?

– Да. Если мы дадим ей слово не причинять ему зла.

– Пол, он уже убил двоих пограничников.

– Это чудовищная случайность. И потом, ФБР и Пограничная служба еще не вышли на Улу Бега. Потому что вы не хотите лишней огласки. В противном случае вы не стали бы привлекать к делу меня. И думаю, вам не доставит радости, если ФБР начнет копаться в старых делах управления.

В комнате повисла напряженная тишина. Чарди пронял их, он знал, что пронял.

– Позвольте мне пообещать ей, что мы попытаемся перехватить его и позволим ему выйти сухим из воды. Если вы

¹⁵ В начале 1946 года на занятой советскими войсками территории Ирана была провозглашена первая в мире курдская автономия во главе с Казим Мохаммедом со столицей в Мехабаде, однако просуществовала она всего 11 месяцев, до декабря 1946 года, и после вывода советских войск из Ирана Мехабад был занят правительственными войсками. 30 марта 1947 года Казим Мухаммеда повесили на той самой площади, где 14 месяцев назад было провозглашено курдское государство.

скажете: «Мы собираемся упечь этого парня за решетку лет на двести», у вас ничего не выгорит. Но если вы скажете: «Послушай, это ужасно, но все еще можно уладить», может быть, у вас есть шанс.

– Вы любите их. Обоих. До сих пор. – Это сказал парнишка, Тревитт.

– Это не важно, – вмешался Йост Вер Стиг.

– Я уверен, что Пол понимает, – он делал вид, будто говорит с молодым человеком, но на самом деле обращался к Чарди, – вне зависимости от его чувств, насколько серьезно положение. Обученный ЦРУ курд с полученным от ЦРУ оружием. А что, если он совершит какой-нибудь акт насилия – как японские террористы в аэропорту Лод?¹⁶ Или убьет какого-нибудь крупного общественного деятеля? Не хватало только управлению оказаться замешанным в подобный скандал.

Чарди кивнул. А они струхнули. Он так и видел кричащие заголовки газет о том, что одна из тайных войн ЦРУ разразилась в самой Америке, впервые за все время окропив американской кровью американскую мостовую. Их приводило в ужас, чем все это может обернуться для управления.

– Вы ведь понимаете это, Пол, верно?

¹⁶ В 1972 году группа террористов из японской леворадикальной организации «Красная армия», нанятых Ильичом Рамиресом Санчесом (Карлосом Шакалом), открыла стрельбу по пассажирам в израильском аэропорту Лод (в настоящее время аэропорт имени Бен-Гуриона под Тель-Авивом), в результате которой 26 человек были убиты, 72 ранены.

– Да.

– Ведь это и ваше прошлое тоже. Первоначально это была ваша операция. Ответственность за нее отчасти лежит и на вас.

– Ну разумеется, – ответил Чарди.

– То, что в конце концов произошло с курдами, было... в общем, вы тоже должны взять на себя часть ответственности.

– Разумеется, – повторил Чарди.

– Значит, необходимо выяснить, может ли эта женщина чем-нибудь нам помочь. Мы должны это знать. И если вы хотите сказать ей что-то такое, что будет этому способствовать, то говорите. Но помните, что стоит на кону.

– Да.

Все остальное осталось недосказанным и не будет упомянуто ни в одном документе: Улу Бега необходимо остановить, чтобы уберечь ЦРУ от конфуза.

– Так вы займетесь этим? Вы встретитесь с ней. Введете ее в курс дела, поможете нам. Вы будете работать с нами.

– Да, – еще раз повторил Чарди.

И задался вопросом, собирается ли он сдержать свое слово и имеет ли это какое-то значение.

* * *

Теперь оставалось утрясти всякие мелочи. Кто полетит с Чарди в Бостон в качестве подстраховки, какой подход ему

избрать, как взяться за дело, чего ожидать?

Сопровождающим был назначен Ланахан, поскольку именно он проделал всю предварительную работу по «прощупыванию Джоанны», как выразился Йост. Вылет был назначен через два дня, номера в отеле забронированы. Но когда Чарди наконец распрощался с ними с единственным желанием выпить где-нибудь пива, он поднял глаза и обнаружил, что до сих пор не один. Тревитт, который почти ничего не сказал за все это время, поджидал его в фойе.

– Мистер Чарди?

– В чем дело?

– Тревитт.

– Да, я помню.

– Я работаю в историческом отделе – вообще-то я историк, даже магистра получил – до того, как попал сюда.

Парнишка, похоже, нервничал.

Чарди не знал, что и думать. В его время никакого исторического отдела не было и в помине, как и всего оперативного директората.

– Угу, – буркнул он.

– Мы много работаем с людьми старшего поколения; руководство предлагает им в последний год службы писать мемуары. Так что через меня прошло много случайной информации – ну, о сотрудниках управления. О вашей карьере, о делах, которые вы проворачивали – вы и кое-кто из ваших коллег по спецназу. Тони По, Вилли Шидловски, Скамп

Хьюз, Уолтер Шорт...

– Френчи. Френчи Шорт, – поправил Чарди, смягчившись от внезапного напоминания о своих самых давних и лучших друзьях.

– Вы с Френчи... Вы делали такие дела. С нунгами во Вьетнаме. Когда охотились на партизан вместе с перуанскими десантниками.

Он с восхищением покачал головой, смутив Чарди его собственным легендарным прошлым.

– Я просто хотел, чтобы вы знали, как я рад, что вы снова среди нас. И еще я хотел сказать... я считаю, что вы приняли весь удар на себя, когда «Саладин-два» потерпел неудачу.

– Ну, кто-то ведь должен был его принять, – возразил Чарди.

И тут же глупо улыбнулся парнишке, чем окончательно подкупил его. Он только надеялся, что парень не станет путаться у него под ногами. Однако потом он придумал, какую пользу можно из этого извлечь, так что, быть может, все к лучшему.

– Кстати, вдруг вы сможете мне ответить: где сейчас Френчи? – спросил он и мгновенно понял, каким будет ответ, по вмиг потухшим глазам парнишки.

– Я думал, вы знаете. Думал, вам сказали или вы сами слышали, – пролепетал Тревитт.

– Мне ничего не говорили, – покачал головой Чарди.

– Простите, что я заговорил об этом. Извините. Вам долж-

ны были об этом рассказать. Френчи Шорт погиб в семьдесят пятом году на одиночной операции. В Вене. Его выловили в Дунае. Вы тогда были в Курдистане.

Чарди кивнул и сказал что-то бессмысленное, чтобы подбодрить Тревитта – тот выглядел совершенно убитым. Ничего страшного, говорил он, не стоит так переживать.

– Я просто... мне очень жаль.

– Не стоит так переживать. Я должен был знать. Я просто подумал, что он где-нибудь за границей. Слишком долго был не у дел.

– Может быть, что-нибудь...

– Нет-нет. Френчи всегда думал, что погибнет на работе. Это должно было случиться. Он вечно искушал судьбу. Не переживайте.

В конце концов он все-таки отделался от парнишки и по засеянной травой лужайке, обведенной кольцевой развязкой, в серых сумерках зашагал к мотелю «Мариотт Кей-бридж», в котором остановился. На том конце моста виднелся Джорджтаун, открывался великолепный вид на белые здания и памятники на другом берегу реки до самого Кеннеди-центра. Но Чарди хотелось лишь найти бар.

За всю свою жизнь он любил всего трех человек, а теперь оказывается, что один из них, его друг и безупречный наставник Френчи Шорт, который научил его почти всему, что следовало знать в их ремесле, погиб. А двое других, Джоанна и Улу Бег, ворвались в его жизнь почти одновременно после

перерыва длиной в целую вечность. Как и прежде, они были тесно связаны, и это вызывало у него сложные и невеселые чувства. Ему предстояло выследить одного и подчинить своей воле другую. Но мучительнее всего было осознание, что тогда, в подземных застенках Багдада, он предал их обоих.

Глава 7

Эти двое Рамиресу не нравились. Ему следовало бы на них молиться – они сорили деньгами, как американские миллионеры или колумбийские кокаиновые короли, однако не были ни американцами, ни колумбийцами. Чаевые всем девочкам. Одно только американское виски, и много. Сигары длиною в фут, не только себе, но и всем вокруг.

Но кто они такие?

Рамирес сделал еще глоток рому, теплого и выдохшегося от долгого стояния в стакане, потом отставил напиток. Зал был длинный и темный, но он видел их профили в зеркале, в котором, в свою очередь, отражалось другое зеркало. Они только что заказали очередную бутылку «Джека Дэниелса» и отстегнули мальчишке Роберто, который принес ее, пятерку на чай. Рамирес хорошо знал свою клиентуру: студенты, приехавшие из Тусона поразвлечься с девочками, одинокие туристы, мексиканские коммерсанты. Заведение процветало, но золотым дном назвать его было нельзя, и в нем редко появлялись посетители, так лихо спускающие деньги, как эти двое.

Он понимал, что бояться нечего. После сокрушительного фиаско на границе он предпринял путешествие в Мехико, чтобы лично возместить причиненный семейству Хуэрра ущерб. После терпеливого ожидания в приемной его нако-

нец препроводили в кабинет дона на последнем этаже одного из самых роскошных зданий Мехико, где он униженно и жалко рассыпался в извинениях за свой просчет в тот памятный вечер и предложил добровольно понести кару. Он готов заплатить штраф, сделать пожертвование. Может быть, оказать какую-нибудь услугу, исполнить поручение?

И тогда Хуэрра, старейшина, патриарх, пожилой джентльмен с утонченными манерами испанского гранда, сказал:

– Рейнолдо, ты много лет служил нашей семье верой и правдой. Старые друзья, как мы с тобой, должны питать друг к другу любовь, а не ненависть и недоверие. Ты хорошо сделал, что пришел и попросил у меня прощения, и я дарую его тебе. Ты прощен. Нам не за что тебя наказывать.

– Благодарю вас, дон Хосе. – Рамирес поспешно упал на колени и поцеловал старческую руку.

– Я хочу кое о чем тебя попросить, – сказал Дон.

– Что угодно. Что угодно.

– Говорят, ты отошел от религии. Я слышал, ты больше не жертвуешь Пресвятой Деве, не говоришь со священниками. Это меня тревожит. С возрастом начинаешь понимать, как важна вера.

– Я грешил. Я был суетным и жадным человеком. Я вел недостойную жизнь, дон Хосе.

– Вернись в лоно Господа, Рейнолдо. Господь простит тебя, как я простил. Господь любит тебя, как я люблю. Церковь – твоя мать, она тоже простит тебя.

– Я буду каждый день ставить свечку. Я пожертвую Святой Церкви половину своего имущества.

– Не надо половину, Рейнолдо. Думаю, хватит четверти.

Так Рейнолдо снова вернулся к праведной жизни. Он ставил свечи, каждое утро ходил к мессе, щедро жертвовал деньги. Он изменился, стал другим человеком. Так продолжалось уже почти два дня.

Он сделал еще глоток рому и оглянулся вокруг себя в поисках Оскара Месы. Тот как сквозь землю провалился. Неужели ушел? Да где же этот разбойник? Рейнолдо снова взглянул в зеркало и увидел тех двоих – на одном был роскошный деловой кремовый костюм элегантного покроя, на другом – свободный бледно-голубой костюм и рубаша с расстегнутым воротником, по американской моде, хотя оба были латиносы. Они раскуривали очередную пару сигар и как бешеные хохотали над какой-то своей шуткой.

И что их так рассмешило?

Час спустя Рамирес бросил взгляд на свои золотые часы. Было почти три утра. Скоро вся жизнь замрет, наступят тихие предрассветные часы, когда даже бедные шлюхи могут поспать. Рамирес грузно выбрался из-за столика и сквозь клубы табачного дыма, мимо нескольких засидевшихся пьяных студентиков, которые никак не могли решить, какой же из девиц отдать предпочтение, прошел к стойке бара.

В тот же миг словно из-под земли вырос Роберто.

– Patron?

Рамирес дернул на себя кассовый ящик и принялся демонстративно хрустеть купюрами. Он дважды пересчитал их и обернулся к парнишке.

– Опять подворовываешь, Роберто?

– Нет, patron.

– Тут должна быть как минимум тысяча. Я внимательно следил.

– Торговля идет вяло, patron.

– Ну, не настолько вяло. Кради, но знай меру, Роберто. Если начинаешь зарываться, механизм может дать сбой, и тогда смотри, как бы тебя не перемололо его шестернями, Роберто.

– Я... я и не думал воровать, patron, – пробормотал юнец, но в глаза Рамиресу при этом не смотрел.

Рамирес в точности знал, сколько денег из кассы оседает за вечер в карманах Роберто. Сколько в карманах Оскара – в последнее время аппетиты у него становились все внушительнее и внушительнее, – и у бабки, которая сидела на площадке второго этажа и проверяла посетителей и девочек на предмет дурных болезней. Подворовывали все; каждый брал понемногу, но в соответствии с определенными правилами. Правила есть правила. Нарушать их не позволено никому.

– Просто знай меру, Роберто. Я хочу, чтобы ты прожил долгую и счастливую жизнь и оставил после себя полсотни ребятишек. Господь заповедовал нам плодиться и размножаться.

– Да, patron.

Пока Рамирес стоял, его пальцы нащупали под кассой кольт – «кобру» 38-го калибра в кобуре. Он вытащил маленький револьвер, спрятал его за пояс брюк и пожалел, что вынужден довольствоваться этой бабской фитюлькой вместо своего привычного большого «питона». Он развернулся, грузно выбрался из-за кассы, немного помедлил и двинулся прочь. Жаль, что сегодня утром он не поставил свечку в церкви.

* * *

Двое в костюмах продолжали неумоимо набираться за своим столиком.

– Роберто, – позвал Рамирес.

Парнишка немедленно подскочил.

– Принеси двум нашим друзьям бутылку самого лучшего американского виски. Скажи, подарок от хозяина.

– Да, patron.

Роберто достал бутылку и отнес ее к столику. Оба посетителя подняли на него глаза, и он с чопорным поклоном объяснился. Гости дружелюбно засмеялись и спросили, где хозяин.

Мальчишка показал.

– Мы принимаем дар хозяина с величайшей признательностью, – по-испански произнес тот, что был в кремовом ко-

стюме.

Рамирес кивнул. Оскару Месе уже пора было бы вернуться. Куда же он запропастился?

– У вас чудесное заведение, сеньор хозяин, – продолжал кремовый.

– Спасибо за добрые слова, друг, – отвечал Рейнольд. – У нас тут скромно, но честно и чисто.

– Прекрасный рецепт успеха в любом начинании, – мечтательно протянул кремовый.

У него были прилизанные черные волосы и рябое лицо, и все же он обладал той смазливостью, на которую клюет определенная порода женщин. Его товарищ в голубом костюме был плотнее и серьезнее – из тех, кто говорит лишь тогда, когда к ним обращаются, да и то без особой охоты. Кроме того, ему не помешало бы побриться.

– Вы уже видели моих девочек? – поинтересовался Рамирес. – Других таких красоток не сыщешь во всем Ногалесе. Что там – во всей Соноре.

– Не девочки – розы. Все до единой. А уж умелицы какие! Полагаю, хозяин самолично занимался их обучением.

– Этих современных девиц ничему не обучишь. Они сами все умеют, – сказал Рамирес. – Есть у нас одна малышка, настоящая чародейка. Ртом такое выделяет! Если накинуть ей немного сверху, она сыграет на вас, как на флейте.

– Это вы о Рите? Я был с Ритой. В высшей степени утонченная и одаренная барышня.

– О, Рита поистине редкостный цветок. – Рамирес восхищенно поцеловал кончики пальцев.

От прикосновения его губ пальцы словно расцвели, стали невесомыми, разлетелись в стороны. Рите было за пятьдесят, и ей не мешало бы посетить стоматолога.

– Нам пора, – подал голос тот, что был в голубом костюме. – Уже поздно.

– Надеюсь, вы заглянете еще?

– Как ни прискорбно, нет. Наше дело в Ногалесе почти завершено.

– Очень жаль. Но я надеюсь, вы будете с теплотой вспоминать наше маленькое заведение.

– О, я полюбил его всей душой, – заверил второй, порывисто вскакивая на ноги.

В руке у него возник пистолет, он навел дуло Рамиресу в живот и тщательно прицелился, но Рейнолдо пальнул в него через стол. Пуля угодила в грудь, заставив кремового крутануться на месте. В замкнутом пространстве грянуло эхо выстрела, резкое, оглушительное, но человек в голубом костюме и ухом не повел – он выстрелил в Рамиреса, и пуля вошла чуть ниже сердца, сбила со стула.

У Рейнолдо было такое чувство, будто он получил удар под дых. Он пытался вздохнуть, пытался вновь ощутить вдруг онемевшие кончики пальцев, а когда поднял голову, то увидел, что человек в голубом костюме тянет своего раненого товарища, стараясь поднять того на ноги. Но тело у него

было безвольное, точно ватное, и упорно валилось вперед. Рамирес с усилием поднялся на колени и выстрелил в того, что был в голубом, но промахнулся и быстро выстрелил еще раз; пуля попала в челюсть. Человек неуклюже плюхнулся рядом со своим дружкой, обхватил голову руками и застыл. Потом заплакал.

– Мне больно, – всхлипнул он судорожно.

Изо рта у него текла кровь.

Рамирес поднялся, подошел вплотную и выпустил пулю ему в затылок.

– Господи боже мой, – ахнул Роберто. – Кто они такие?

– Плохие люди, – ответил Рамирес.

Но кто они были такие в самом деле?

– Беги, – велел он Роберто, – приведи сюда Мадонну. И поспеши, мальчик, пока я не истек кровью.

Мальчишка со всех ног бросился за одной из проституток, которая утверждала, что когда-то была медицинской сестрой.

Рамирес опустился на стул. Пистолет до сих пор был у него в руке. Он бросил его.

Зал поплыл перед глазами. Ему нужен священник, ему так больно. Он взглянул на двух женщин на диване – они в ужасе таращились на него.

– Вон отсюда, твари! – проревел он. – Нечего шлюхам пачкаться, как умирает мужчина.

Они исчезли.

Эх, не поставил он сегодня утром свечку. И на службе не был. Священника бы сюда.

Да где же эта Мадонна?

Глава 8

Фургон подкатился к Медфорду, северному пригороду Бостона, и въехал на забитую стоянку вокруг какого-то заведения, похожего на бар, под названием «Тимотис», одинокого приземистого здания непревзойденной скромности. Его название повторялось красными неоновыми буквами едва ли не в полусотне мест: на крыше, над дверями, на гигантской вывеске над въездом на стоянку: «Это он! Единственный и неповторимый! „Тимотис“!»

– Мы здесь потому, – сообщил Ланахан, – что сегодня суббота. А каждую субботу ваша преданная науке интеллектуалка, эта талантливая, отважная, сильная женщина, – слова Чарди, брошенные обратно ему в лицо, – вечером заявляется сюда или в какое-нибудь другое заведение подобного толка, снимает мужика и уходит с ним.

– В прошлые выходные она вернулась домой только в воскресенье под вечер, – заметил водитель, кудесник из техотдела.

В красном неоновом свете на рябом лице Ланахана, похоже, играла сальная ухмылка. Чарди охватило желание дать ему в морду, но неожиданно злость прошла. Ланахан – ничтожество, он даже оплеухи не заслуживает.

– Здесь никого из Гарварда не встретишь, – сказал человек на переднем сиденье. – Они все сидят в Кембридже и в каба-

ках попримечнее, вроде «Касабланки» или «Данстер-стрит, 33». Это местечко слишком низкого пошиба, для неприятельской публики. Второй сорт.

– Она сейчас там, – сказал Ланахан. – Вот ее тачка.

Он указал на зеленый «фольксваген» неподалеку.

– Она западает на парней одного типа. На моей памяти было трое. Смуглые ирландцы. Крупные, под метр девяносто ростом и весом под сто килограммов.

– Ваших близнецов выискивает, – подсказал Ланахан. – Она ищет вас.

– Чушь собачья, – отрезал Чарди.

– Увидите. Ну что, поехали? Готовы? Уверены, что справитесь?

– Угу, – буркнул Чарди.

– Звучит как-то не слишком убедительно. Послушайте, можно устроить все другим способом.

«Гнусный коротышка», – подумал Чарди.

– Чарди. За эту операцию я отвечаю перед Вер Стигом. Не провалите, ладно? Держите себя в руках, не переусердствуйте. Не спугните девицу. Если вы наломаете дров, она обратится в прессу, поднимет шум...

– Я справлюсь.

Чарди отодвинул дверцу фургона и вышел в сырой, промозглый вечер.

До Массачусетса весна еще не добралась, и сквозь ряды машин он двигался в клубах пара от собственного дыха-

ния. Перед входом в бар вытянулась небольшая очередь, он пристроился в конец. Все они казались такими симпатичными, эти мальчики чуть за двадцать, с модными стрижками – расчесанными на прямой пробор пышными ниспадающими каскадами волос, в дорогих темных костюмах почти что на европейский лад.

Девушки, все как на подбор, были темненькие и миниа-
турные, веселые и похожие почему-то на примерных католи-
чек. Их нежные шейки украшали крестики. Рядом с ними он
сам показался себе каким-то переростком, глупым и неуклю-
жим, потому что был на добрый десяток лет старше самого
взрослого в этой очереди. В своем унылом костюме он терпе-
ливо дожидался еще минут десять, пока наконец двуствор-
чатые двери не распахнулись гостеприимно ему навстречу.
На пороге он в последний раз оглянулся на фургон вдалеке,
под высоким фонарем, с тонированными стеклами, из-за ко-
торых – он знал это – за ним наблюдал Ланахан, а через него
Йост Вер Стиг и все Центральное разведывательное управ-
ление.

* * *

Внутри заведение оказалось состоящим из нескольких от-
дельных баров, каждый в своем собственном стиле, и все
подделка. Некоторое время ушло на то, чтобы обойти все эти
ответвления, полные народу. Он уже начал было паниковать,

но тут наткнулся на нее.

Она сидела за столиком с каким-то парнем. Зал был изысканнее других, декорирован в стиле викторианской эпохи – если бы в ту эпоху существовал пластик. Все было словно в дурном кино. Но перед ним сидела Джоанна, живая, во плоти, с каким-то мужчиной – как и сказал кудесник, крупным мужчиной, комплекции Чарди, если не крупнее, в костюме-тройке.

Чарди пристроился за стойкой на безопасном расстоянии от парочки и заказал себе пиво. Он видел ее в зеркале, но совсем смутно – в темном пространстве под потолком набухшей тучей висел табачный дым. Она так и льнула к этому мужчине. Она касалась его локтя. Она смеялась его шуткам и с восторженным вниманием выслушивала его остроты. Чарди почти корежило от ревности. Они заказали еще по стаканчику – бурбон для мужчины, белое вино для Джоанны.

Чарди смотрел, как замороженный. Когда же он в последний раз видел ее? Он мог бы воспроизвести эту картину с поразительной точностью, даже здесь, даже сейчас. Это было в тот день, когда он попал в засаду, в день его пленения. Она тогда одевалась, как курдка: цветастая крестьянская юбка, черная жилетка, блузки, платки, на голове косынка. Не то что теперь. Сейчас на ней были темные свободные брюки, свитер с воротником-хомутом и твидовый жакет. Очки в пол-лица смягчали угловатые черты. Рыжеватые волосы зачесаны назад, но одна прядь все-таки упала на лоб. Когда она

улыбалась, ее белые зубы сверкали в темноте.

Боже, какая же она красавица. Чарди не мог отвести от нее глаз. Если у него и был на уме какой-то план, от него ничего не осталось. У Пола перехватило дыхание: рядом с ней он не мог дышать. Руки у нее были белые, с длинными пальцами, и она коснулась ими ладони мужчины. Тот рассмеялся и что-то прошептал. Они прикончили свои напитки и поднялись.

Чарди вскочил.

Они принялись пробираться сквозь толпу к выходу. Мужчина обнимал ее за плечи. Они взяли в гардеробе свою одежду и вышли на улицу. Чарди двинулся следом и перехватил их на стоянке, в моргающем свете, пока мужчина возился с ключами от своего «порше».

– Прошу прощения, – произнес Чарди.

Она обернулась, мгновенно узнав голос, но, наверное, не вполне веря своим ушам.

– Джоанна? – Он вышел на свет, чтобы мужчина мог его видеть. – Мне нужно с тобой поговорить. Это важно.

– Пол, – выговорила она наконец. – Ох, Пол.

– Ты знаешь этого малого? – спросил мужчина, выступая вперед.

– Тебя это не касается, – отрезал Чарди.

– Вот как? – Он приблизился еще на шаг. Потом обернулся к ней. – Ты хочешь с ним говорить или нет?

Она не могла ничего ответить, лишь гневно смотрела на Чарди.

– Послушай, – заявил мужчина. – По-моему, девушка не желает с тобой разговаривать. Почему бы тебе не убраться?
– Джоанна, это действительно важно. Очень.
– Уходи, Пол, – сказала она.
– Давай, Пол, вали отсюда, – бросил мужчина.

Чарди был словно наэлектризован от волнения. Напряжение было таким, что он, казалось, вот-вот взорвется. Она так близко! Ему хотелось прикоснуться к ней. На него накатила слабость, но отступить было нельзя. Его охватил ужас, он понял, что все испортил, что зря устроил эту сцену.

Пол приблизился к ней еще на шаг.

– Джоанна, пожалуйста.

Мужчина ударил его по уху – явно неумело. Пол подвернул ногу, падая на асфальт. На миг ему показалось, будто в черепе загудел колокол, и он обнаружил, что, как дурак, сидит в луже. Он поднял голову, и в глазах у него потемнело от ярости. Однако хлыщ, ударивший его, стоял столбом; казалось, он сам был ошарашен тем, что сделал.

– Я не хотел, – промямлил он. – Я ведь просил вас не лезть. Я предупреждал. Вы сами напросились. Правда. Вы сами напросились и получили по заслугам.

Чарди поднялся.

– Это было неразумно с вашей стороны. Вы не знаете, кто я такой. А вдруг у меня есть пистолет? Или я знаю карате? Или просто окажусь бандитом?

– Я... я же велел вам уходить.

– Ну а я никуда уходить не намерен. И я не советовал бы вам поступать так еще раз.

– Уолли, – вмешалась Джоанна. – Это и впрямь было неразумно. Он... э-э... солдат. И вероятно, обучен самым разным приемам. И вообще, терпеть не могу, когда мужчины дерутся. Глупость какая.

– Не вздумай только еще раз меня ударить, Уолли, – сказал Чарди, – и я ничего тебе не сделаю.

– Это смешно, – заявил Уолли. – Так ты идешь со мной или нет?

– Ох, Уолли.

– Быстро же ты запела по-другому. Ну и черт с тобой, и с твоим чокнутым дружкой тоже. Два сапога пара. Счастливо оставаться.

Он уселся в машину и рванул с места – только шины взвизгнули.

– Джоанна, – повторил Чарди.

– Не подходи, Пол. Не подходи, я сказала. Только тебя мне еще не хватало для полного счастья.

Он смотрел, как она идет по залитой светом фонарей площадке.

– Джоанна. Пожалуйста.

– Пол. – Она обернулась. – Уходи. Не приближайся ко мне. Я позову полицию. Клянусь, я это сделаю.

– Джоанна. Улу Бег объявился.

Они сидели в ее «фольксвагене» неподалеку от парка. За деревьями виднелись безлюдная детская площадка и баскетбольное поле, пустое и темное. Чарди пил пиво из банки – он велел Джоанне заехать в какой-нибудь магазин, и она безмолвно подчинилась, – это была уже третья за двадцать пять минут. Машина время от времени пощелкивала, и ему вдруг подумалось, что эта типично американская ситуация – тихая ночь, машина, женщина на соседнем сиденье, парк неподалеку – для него нечто столь же чуждое, как какой-нибудь филиппинский брачный ритуал. После долгого молчания она вдруг сказала:

– Ты работаешь на них, так ведь?

– Да. Временно.

– Я думала, тебя уволили.

– Так оно и было. Теперь я снова им понадобился.

– В том письме ты утверждал, что никогда больше не станешь на них работать. Ты писал, что с этим покончено. Опять солгал?

– Нет. Я вернулся, потому что у меня, похоже, не было выбора.

– Из-за курда?

– Да.

– Не поздновато ли ты решил отдать свой должок?

– Может, и поздновато. Не знаю. Увидим, да?

– Как ты можешь? Работать на них? Как тебе не противно?

– Если бы я не согласился, на моем месте сейчас сидел бы кто-нибудь другой. Только ему было бы наплевать на тебя. И на Улу Бега. Эти люди из службы безопасности не знают жалости. Им нужна его голова.

– Чего ты хочешь от меня?

– Они считают, что он появится у тебя, потому что больше ему идти некуда. Во всяком случае, так они говорят. Что у них на уме, мне неизвестно. Но такова официальная версия. Поэтому я здесь – чтобы заручиться твоей помощью.

– Было время, когда я готова была тебя убить. Даже думала об этом. Представляла, как прилечу к тебе в Чикаго, подойду к твоей двери, постучу, а когда ты откроешь – выстрелю. Прямо в лицо.

– Мне жаль, что ты так сильно меня ненавидишь.

– Ты был частью всего этого.

– Я никогда не...

– Пол, ты лжешь. Это у тебя в крови. На этом стоит твоя жизнь. Я собрала кое-какие сведения о твоих работодателях. Они учат лгать не задумываясь. Ты можешь делать это легко и непринужденно, как будто о погоде разговариваешь.

– В управлении точно такие же люди, как и везде. В любом случае, я никогда не лгал тебе. Ложь – удел высших уровней. У них есть специалисты.

Он прикончил банку и сунул руку в рюкзак за новой. На-

до было брать сразу дюжину. Пол вскрыл крышку и сделал большой глоток.

– За эти семь лет, – произнес он наконец, – не было, наверное, ни одной ночи, чтобы я не думал о тебе и не проклинал то, что произошло между нами. Это не ложь. Но если ты любишь его – а я думаю, что любишь, и думаю, что иначе и быть не могло, – то ты должна помочь мне. Иначе ему конец.

– Не разыгрывай благородство, Пол.

– А ты не разыгрывай оскорбленную гордость, Джоанна. Пока ты тут нянчишься со своими обидами, он схлопочет себе пулю в лоб.

– Пол, я тоже лгала. Я говорила, что люблю тебя. Так вот, я никогда тебя не любила.

– Как скажешь. Не любила, так не любила.

– Я любила твой образ. Потому что ты сражался на стороне курдов, а курдам нужны были бойцы.

– Да.

– Меня так завораживала сила. Она казалась мне тайной за семью печатями.

– Никакая это не тайна.

– Ты хоть знаешь, что произошло с нами? После твоего загадочного исчезновения?

– Да.

– Вранье! – сорвалась на крик она. – Черт побери, это вранье. Опять. Снова вранье. Ничего ты не знаешь. И никто не знает, кроме...

– Мне рассказал один русский. Ты его не знаешь.

– А подробности?

– Нет. Этот русский в подробности не вникает. Он слишком большая шишка, чтобы забивать себе голову подробностями. Он назвал только цифры.

– Так вот, мне кажется важным, чтобы ты узнал подробности. Чтобы они всегда хранились в той бесчувственной штуке, которую ты зовешь мозгом.

В темноте Джоанна казалась прекрасной, живая и настоящая, после того, как он так долго грезил о ней. Он изнемогал. Он хотел ее, хотел, чтобы она любила или хотя бы уважала его. Между ними пролегла огромная пропасть.

– Идем.

Она вышла из машины.

Пол последовал за ней. Они перешли улицу и очутились перед большим темным зданием. Джоанна провела его в вестибюль, потом отперла вторую дверь, и они поднялись на три лестничных пролета. На каком-то этаже играла музыка. Они свернули в короткий коридорчик. Она открыла дверь в свою квартиру.

– Присаживайся. Снимай куртку. Устраивайся поудобнее, – холодно велела Джоанна.

Он присел на кушетку. Квартира была с высокими потолками, большими старыми окнами, а скромная обстановка состояла из книг, растений в кадках и странных, угловатых предметов мебели. Она производила впечатление белизны и

холода. Джоанна подошла к столу и вернулась с толстой кипой бумаг.

– Вот, – сказала она. – Мои мемуары. Лилиан Хеллман¹⁷ из меня не вышло, но это, по крайней мере, правда.

Она проглядела растрепанную рукопись и выудила несколько листов.

– Это последняя глава. Я хочу, чтобы ты ее прочитал.

Чарди взял у нее бумаги и взглянул на первую страницу. Она была озаглавлена совсем просто: «Naman».

* * *

– Ты не засек их разговор? – спросил в фургоне Ланахан, разглядывая темнеющее старое здание.

– Я не мог, Майлз.

В тоне кудесника из техотдела послышалось раздражение: ему, такому опытному работнику, приходится демонстрировать уважение этому зеленому юнцу Ланахану.

– Йост не дал бы разрешения. Стоит только попасться на таких вещах, неприятностей потом не оберешься.

– Не знаю, как тогда, по его мнению, мы должны добиться результатов, если приходится выбирать средства, – язвительно заметил Майлз. – А что остальные подразделения? Их привлекли? Можно с ними связаться?

¹⁷ Лилиан Хеллман (1905–1984) – американская писательница, известная своими левыми взглядами.

– Они поблизости, Майлз. По крайней мере, должны быть. Чарди у нас под колпаком. Но я решил, что нам здесь, в фургоне, радиосвязь не нужна. Мы знали, что будем вести Чарди. Готов поручиться, если бы ты прогулялся немного по улице, то увидел бы их.

– Лишь бы Чарди их не засек, – заметил Майлз.

– Не засечет. Там ребята что надо, из бывших полицейских, частных детективов. Я делаю все в точности так, как говорит Йост. Говорит Йост вести Чарди на поводке, значит, Чарди идет на поводке. Если Йост этого хочет, это он и получит.

– К черту Вер Стига. Вер Стиг такая мелкая сошка, что его вовсе и не существует. Он шестерка. Мы работаем на Сэма Мелмена, заруби это себе на носу.

* * *

Чарди читал:

«У меня было не слишком много времени, чтобы горевать о внезапном исчезновении Пола, поскольку наше положение немедленно ухудшилось: мы попали под обстрел. За все семь месяцев, что я провела с Улу Бегом и его группировкой, нас ни разу не обстреливали. Я, конечно, видела разбомбленные деревни, но никакие впечатления прошлого не могли подготовить меня к шквальному артиллерийскому огню. Не было никакой

возможности укрыться, да и, собственно говоря, никакого укрытия тоже не было. Улу Бег разбил свой лагерь на плоской возвышенности под гребнем горы. Черные палатки были поставлены под входом в пещеру. Снаряды рвались так немыслимо громко и так часто, что в первые секунды я совершенно растерялась. Несколько человек добрались до пещеры, но большинство из нас повалились наземь. Никогда еще мне не было так страшно. В очередное секундное затишье между взрывами я озиралась и пыталась забиться в укрытие понадежней, но это было очень трудно – слишком много дыма и пыли стояло в воздухе.

Мне казалось, что обстрел длился несколько часов. Когда он прекратился, у меня кружилась голова и я не понимала, где я. Вдобавок я надышалась дымом. Меня била неукротимая дрожь, и хотя за время пребывания в горах мне довелось повидать немало раненых, ничто не могло подготовить меня к потрясению при виде того, во что мощный снаряд может превратить человеческое тело. Людей разрывало в клочья.

Я пыталась взять себя в руки, но не успела еще осесть пыль, как показался запыхавшийся Улу Бег. Никогда еще я не видела его в таком отчаянии; он кричал своим людям, что нужно уходить.

Далее последовало беспорядочное бегство в пыли. Мы бежали вверх по склону, затем наткнулись на тропу, тянувшуюся вдоль гребня, и бросились по ней, все скопом – солдаты, их жены, дети. Эта картина до сих пор стоит у меня перед глазами: сто с лишним мужчин,

женщин и детей, в панике спасающихся бегством. Все это походило на сцену времен начала Второй мировой, когда немцы бомбили колонны польских беженцев. Платья и платки женщин яркими пятнами выделялись в клубах пыли, я видела тюрбаны мужчин и шаровары цвета хаки, которые трепал ветер. Больше всего жаль было детей; несколько из них в суматохе отбились от родителей (если их родители на самом деле не погибли под обстрелом).

Ночью мы укрылись в пещерах, но боялись даже развести костры. Мы пытались выйти на связь по радио, на экстренной частоте, как учил Чарди. Но ничего не вышло. Пробовала даже я, думая, что, может быть, радисты в Резайе узнают мой английский, но все было напрасно. Мы были отрезаны от мира. Теперь я глядела на горы со страхом. Когда-то они казались мне такими прекрасными, сейчас же они пугали меня. Если бы иракцы окружили нас, едва ли мы смогли бы отбиться. Если начнется снегопад и мы застрянем на этом перевале, то нас неминуемо ждет голодная смерть, поскольку у нас не было никакой еды, кроме того, что мы успели унести. К тому же несколько человек были серьезно ранены, в их числе и жена Амира Тофика, второго после Улу Бега человека в отряде.

Иракцев мы увидели на следующее утро, но они были далеко внизу. Однако Улу Бег полагал, что это крупное подразделение, преследующее нас. Он сказал, что они доберутся до места нашей стоянки лишь через несколько часов, но мы к тому времени уже будем

далеко.

– Насколько далеко? – спросил Амир Тофик.

– На пути к границе, – ответил Улу Бег.

Он пообещал, что шах даст нам убежище.

Амир Тофик сплюнул в пыль. Патронные ленты у него на груди звякнули. Ему было лет двадцать пять. Тофик заявил, что шах – черная свинья, пригревшая на груди шакалов. Улу Бег сказал, что у нас нет выбора, и на этом спор завершился.

Четыре дня мы пробирались через горы. Еще дважды попадали под обстрел. Первый был самый серьезный, трое наших были убиты, еще несколько ранены. Они умоляли взять их с собой. Но у нас не было выбора. Нам нужно было продвигаться вперед.

От этого времени у меня остались смутные воспоминания. Однажды на нас налетели русские истребители. Мы забились в ущелье и укрылись за скалами – более сотни человек. Мы видели тень, плывущую по земле, и слышали рев двигателей, но самолет разглядеть не могли – слишком яркое было солнце. Апо, старший сын Улу Бега, прятался рядом со мной.

По ночам было очень холодно. Мы жались друг к другу в пещерах и ущельях, но все равно боялись разводить костры. Именно в такие минуты я острее всего чувствовала свое одиночество. Я ведь не была курдкой. Я была американкой, глупой американкой, застрявшей там, где делать ей было нечего. Я считала, что надеяться нам не на что. Мы передвигались

пешком, силы и продовольствие иссякали. Мулов не было. Мы преодолели невообразимое расстояние, столь же невообразимое расстояние нам еще предстояло преодолеть, нас преследовали люди на машинах, и эти люди были намерены нас убить.

Как-то я подслушала разговор мужчин. Они говорили, что мы обречены. Все кончено. Нам не выбраться. Улу Бег возражал. Он сказал, что у нас есть друзья. Друзья Джарди. Друзья Джарди помогут нам.

Мы почти пришли. Я спросила Улу Бега, сколько еще идти. Он указал на просвет между двумя горами прямо впереди.

Улу Бег попросил меня сопровождать его на переговорах с иранцами.

Мы прошли по тропке и поднялись на пыльную скалу, он и я. Тропка бежала вверх, к перевалу, и мы пробирались между неприступными утесами. Мне с трудом удавалось не отставать. Я задавалась вопросом, как смогут преодолеть последнюю, самую трудную часть подъема дети.

Мы были так близко! Скоро весь этот кошмар останется позади! Но я ужасно боялась, вдруг что-нибудь произойдет, в самом конце, так близко к спасению.

Мы перевалили через гребень горы. Перед нами простиралась выжженная земля. На ней ничего не росло. На многие мили окрест все было мертво. Не было ни растительности, ничего живого. То была зона дефолиации, полоса земли, которую иракцы

залили химикатами, чтобы повстанцы не могли перейти границу и пополнить запасы в Иране. Я разглядела залитый цементом ручей.

Мы двинулись вперед. Если бы появился русский самолет или вертолет и застал нас на открытой местности, нам пришел бы конец. И все же мы не могли позволить себе такую роскошь, как дожидаться наступления темноты. Мы пробирались по этой пустыне до тех пор, пока наконец несколько часов спустя впереди не показались колючая проволока и пограничный пункт – и зелень. Пограничный пункт представлял собой приземистое блочное здание, рядом с которым развевался на флагштоке иранский флаг. Неподалеку стояло несколько военных машин.

Мы поспешили к заставе. Там заметили наше приближение и были наготове. Дежурный офицер, молоденький майор, держал себя очень чопорно и корректно. Звали его майор Меджхати – это имя красовалось на нашивке его мундира, на груди. Форма на нем была накрахмалена до хруста.

Он спросил меня на фарси, не американка ли я. Я ответила утвердительно. Он решил, что я похожа на американку, несмотря на то, что одета я была, как курдка. Он провел в Америке год и знал, как выглядят американские женщины.

Я объяснила, что в скором времени подойдут сто человек, что среди них есть раненые и дети и все они голодны и измучены. Их преследуют иракцы на русских танках, сказала я ему.

Он спросил меня, из каких краев я родом. Не знаю уж, зачем ему понадобилось это знать. Я ответила.

Он считал Бостон приятным городом. Меджхати поведал мне, что учился в каком-то военном училище в Канзасе. Он сказал, что в Америке ему очень понравилось, что Америка – великая страна и что ему хотелось бы, чтобы Иран больше походил на Америку.

Я начала опасаться, что мы застрянем там на многие часы. Иранцы любят поговорить и никуда не торопятся. Они терпеть не могут смотреть в лицо окружающей действительности.

Потом майор спросил меня, не принадлежат ли эти курды к группировке пешмерга, воинственным горцам, которые сражаются с иракцами. Я ответила утвердительно. Он сказал, что они не могут принять на своей территории курдов. Таков новый политический курс. Он сказал, что рад приветствовать на своей земле меня, но политический курс изменился и для пешмерга граница закрыта.

Я не была уверена, что правильно поняла его. Подумала, что ослышалась. Я попыталась взять себя в руки.

– Но есть же соглашение, – сказала я. – Межправительственное. Между моим правительством, вашим правительством и пешмерга.

– Нет никаких соглашений, – отрезал он.

Несколько его солдат и офицеров вытащили оружие и приблизились к нам. Вид у них был неприветливый. Я указала на Улу Бега. Помню, я говорила:

– Это известный человек. Знаменитый Улу Бег. Он занимает высокий пост в пешмерга.

Майор Меджхати снова заявил, что американская гражданка может без помех вступить на территорию его страны, а курд пусть проваливает. Он пообещал, что его люди будут стрелять, если курд не уйдет от границы.

Я сказала ему, что у нас был американский офицер, важный человек, со связями в тегеранских верхах...

Но они сообщили нам, что все американцы уехали.

Улу Бег развернулся и зашагал обратно к своим людям.

Я побежала за ним».

Чарди отложил рукопись. Джоанна сидела напротив. Она даже не сняла пальто.

– Надо было остаться в Иране, Джоанна. Ты поступила неразумно.

– Я не могла, Пол. Читай дальше.

«Мы шли весь остаток того дня и большую часть следующего. Наш путь лежал на север, дальше в горы. Теперь нашей целью была Турция, граница с которой охранялась не так тщательно. Это решение было мучительным, ведь едва ли найдется кто-то, кого курды – как и большая часть Ближнего Востока – ненавидят сильнее, чем турок, которые в составе Османской империи многие столетия угнетали их.

Затем мы собирались продолжать двигаться на север, в Россию. Я знала, что Улу Бег задумал повторить путь муллы Мустафы Барзани, который

бежал из Ирана после падения Курдской автономной республики в Мехабаде в 1947-м. В Советском Союзе Барзани прожил в изгнании одиннадцать лет. Мне тогда не бросился в глаза комизм бегства от иракцев, которых поддерживали и снабжали русские, в Турцию, а оттуда в Россию. Теперь он кажется мне яркой иллюстрацией принципа ближневосточной истории и политики: идеология ничего не значит.

И вот настало утро шестого дня. Мы отыскивали какие-то пещеры и наконец отважились разжечь костер. Мы даже нашли родник, который не был зацементирован.

Кто-то включил рацию – это была обычная процедура; Джарди, как звали его курды, всегда пытался установить связь с Резайе по утрам – и внезапно на той частоте, где пять дней царил мертвая тишина, прозвучал сигнал.

Это, насколько я понимаю, была определенная последовательность кодов, предварявшая начало связи.

Я услышала, как Улу Бег заговорил на своем ломаном английском.

– Фред – Тому, – повторял он. – Фред – Тому.

Рация, русского производства, как и все снаряжение, привезенное Полом, шипела и потрескивала.

До меня донеслись слова по-английски: „Том – Фреду, Том – Фреду“, и я узнала голос. Это был Пол Чарди».

– Помнишь это, Пол? – спросила она.

В комнате было очень тихо. Чарди поднял на нее глаза.

Потом произнес:

– Да, помню. – И снова уткнулся в бумаги.

«Мы ждали на поляне. Пол Чарди обещал, что вертолеты прибудут в четыре. Их должно было быть шесть, и предстояло сделать два или три вылета, чтобы вывезти всех. Нужно соблюдать порядок, предупредил он, никакой паники, никакой давки. На это уйдет какое-то время, но вывезут всех.

Люди возносили хвалы за избавление Аллаху Милосердному, но Улу Бег сказал, что благодарить следует Джарди и его американских друзей.

Ожидание, казалось, тянулось целый год. На самом деле оно длилось всего-то несколько часов. Но теперь небо прояснилось, и солнце жарило во всю мочь. На самых высоких пиках поблескивали снежные шапки. На поляне росло несколько карликовых дубов.

Люди собрались в тени этих немногочисленных деревьев, я смотрела, как они смеются и бродят по поляне. Их яркие одежды мелькали в бурях ветвях.

Мы с Улу Бегом отошли к гребню над поляной и скрылись за скалой. Я спросила его, не ожидает ли он подвоха.

– Я всегда ожидаю подвоха, – отвечал он.

Его лицо было припорошено пылью. Губы растрескались и стали почти белые, в синих глазах затаилась усталость. Он снял свой тюрбан, и меня поразили его волосы – почти русые. И глаза у него были совершенно невероятные.

Он велел, чтобы я шла ждать вертолет вниз.

– Я остаюсь, – заявила я.

* * *

Мы слышали вертолеты еще до того, как увидели их. Они появились над горой. Это зрелище показалось мне совершенно невиданным. Я таращила на них, как громом пораженная.

Их было, как и обещал Пол, шесть. Они повисли в небе. Амир Тофик на земле поджег дымовую пашку. Столб зеленого дыма взвился в небо.

Вертолеты были серые, на фюзеляжах красовались опознавательные знаки иранской армии. Носы их блестели: солнце отражалось в стекле или в пластике. Они оказались куда больше, чем я воображала. Шум стоял невообразимый. Они летели строем в два ряда, по три в каждом. Вертолеты начали снижаться, большие и темные. Я уже могла различить в кабинах пилотов в шлемах и солнечных очках.

Винты поднимали пыль, она клубилась и кружилась вихрями. В воздухе вились клочья зеленого дыма. Ветер сбивал нас с ног, срывал листья с деревьев.

Я видела двух маленьких мальчиков, Апо и Мемеда, они сидели в сторонке. Я видела Амира Тофика с женой; рука у нее была вся в бинтах. Видела старого Кака Фарзанду – он терпеливо ждал. Видела Хаджи Исмаила – до того, как присоединиться к повстанцам в горах, он был носильщиком в Багдаде. Я видела

Зульхей, старуху в черном платке, – она рассказывала мне сказания и легенды, которые я записывала, – и ее дочь Насрин, стряпуху. Я видела... в общем, я видела их всех, этих людей, с которыми я прожила семь месяцев и которых успела, насколько это возможно для иностранца, вернее для иностранки, полюбить.

Вертолеты зависли над деревьями, и какое-то время я не вполне понимала, что происходит. Я стояла столбом, как дура. Внизу началась сумятица.

Улу Бег обернулся ко мне, и я услышала его слова:
– Это русские.

Люди из вертолетов принялись стрелять по деревьям. Поднялась пыль. Я видела, как разлетались ветки. Орудия стали изрыгать языки цветного огня. Они словно обливали деревья светом. Вокруг летели искры, начались пожары.

Улу Бег рядом со мной застрочил из своего русского автомата. Козырек одной кабины разлетелся, и вертолет дрогнул.

„Сбей их“, – поймала я вдруг себя на мысли.

Машина начала падать, неудержимо заваливаясь вперед. Она рухнула и разбилась. Лопасть пропеллера вспорола землю. Подбитый вертолет вспух огромным шаром маслянистого пламени, мгновенно распространившегося по поляне. Меня сбило с ног.

Люди из вертолетов расстреливали нас. Пули рикошетом отскакивали от камней. В нос мне ударил едкий запах горящего бензина. В голове так помутилось, что я чуть не бросилась в пылающий ад

под нами, но Улу Бег схватил меня за руку и потащил по другому склону вниз, в темное ущелье. Мы кубарем слетели по склону, оскальзываясь на осыпи. Я была в таком ужасе, что даже не чувствовала боли. Мы забирались глубже и глубже, пока не забились в темную расщелину. Над головой стрекотал вертолет. Он висел над нами целую вечность. Улу Бег сжимал в руках свой русский автомат. Потом вертолет набрал высоту и исчез. В небо поднимались два столба дыма – один толстый и черный, второй зеленый».

– Твой русский не рассказывал тебе об этом? – спросила Джоанна, когда он отложил последнюю страницу.

– Нет, – покачал головой Пол. – Никаких подробностей.

– Та засада была частью сценария? Частью какого-то большего предательства? Ты действовал по чьему-то приказу? Все те месяцы, когда я любила тебя, когда ты сражался на стороне курдов, – ты знал? Ты знал, что все так кончится?

– Разумеется нет.

– Но тогда, по радио, это был ты?

Чарди помнил это, правда, не слишком хорошо. Рация была советская, модель «ЛП-56», с двойным усилением и чем-то вроде частотного сканера, стандартное снаряжение советских танковых частей. Ему вспомнился микрофон в его руке – тяжелая, монументальная штука.

«А они изрядно отстали в радиотехнике», – помнится, подумалось тогда ему.

Он словно оцепенел.

– Ты? – подстегнула она.

– Да, – ответил он.

Полковник КГБ Спешнев остался тогда весьма доволен его поведением.

– Почему, Пол? – проговорила она тихо.

– Я... Для них было очень важно убить Улу Бега или взять его в плен, – сказал он.

– Но почему ты стал им помогать?

– У меня не было выбора.

– Тебя пытали.

– Да, они покуражились надо мной всласть. Но дело было не в этом.

– Так расскажи мне, Пол. Почему?

– Джоанна, я не могу тебе этого сказать. Да теперь уже ничего и не изменишь. Наверное, на самом деле я здесь затем, чтобы попытаться загладить свою вину.

– Вину перед курдами так никто и не загладил.

– Джоанна, он здесь, чтобы убивать. Что, если в перестрелку попадут дети? Что, если произойдет еще одно массовое убийство? Что, если пострадают невинные...

– Это мы дали Улу Бегу оружие. Мы поддерживали его. Мы подстрекали его. Пол, невинных тут нет.

– Джоанна...

– Пол, убирайся отсюда. Я ничем не могу тебе помочь, я не стану тебе помогать. Чему быть, того не миновать. Иншалла, все в руках Божьих. У курдов есть пословица: не дрогни, ко-

гда возмездие готово обрушиться на голову твоего врага.

Он поглядел на нее.

– Уходи, Пол, я страшно устала.

Он поднялся.

– И не смей больше пытаться увидаться со мной. Клянусь, я вызову полицию.

* * *

Чарди стоял перед ее домом. Было холодно. Он подумал, что за ним, наверное, следили. Через несколько минут и в самом деле подъехал фургон. Чарди перешел улицу и забрался внутрь.

– Как все прошло? – поинтересовался Ланахан.

– Ужасно, – ответил он, усаживаясь напротив юнца.

Фургон тронулся, и Чарди стал смотреть из окна на проносящиеся мимо уличные фонари и темные дома.

– Какого черта она из себя воображает? Думает, с ней в бирюльки играют, да? Ладно, если она отказалась нам помогать, мы ей такое устроим! Мы...

Чарди ухватил сопляка за плотные лацканы плаща и приложил о стенку фургона так, что его голова с силой ударилась о стекло.

– Эй, эй. – Кудесник из техотдела на переднем сиденье испуганно обернулся. – Спокойно, ребята.

Но Чарди придавил локтем горло парня и, пригвоздив к

сиденью, велел тому придержать свой поганый язык. Потом отпустил жертву и выпрямился.

Парнишка ошеломленно потряс головой и осторожно потрогал горло. Расширенные глаза и дрожащие пальцы выдавали его страх, но этот страх обратился в ярость.

– Ты, скотина! – выплюнул он.

Чарди смотрел в темноту за окном.

* * *

В отель они вернулись в молчании. Была почти полночь. Чарди двинулся в бар и прикончил еще несколько порций пива. Потом принялся озираться по сторонам – в зале было довольно многолюдно – в поисках бугая поздоровее. Нашел и привязался к нему, нарываясь на драку. Но бугай оказался робкого десятка и поспешно скрылся, после чего люди стали держаться от Чарди на таком почтительном расстоянии, что он в конце концов решил отправиться спать.

Спал он плохо, все время думал о вертолетах.

Наутро его ни свет ни заря разбудил телефонный звонок. Он сонно заморгал, в сером полумраке разглядывая неубранную комнату. Голова раскалывалась, во рту стоял отвратительный привкус. Он снял трубку.

– Пол?

– Да?

В ее голосе слышался невысказанный вопрос, но он так и

не прозвучал. Пол так стиснул трубку, что испугался, как бы не треснул пластик.

– Мне нужно с тобой увидеться, – сказала она.

– Зачем?

– Пол, сукин ты сын. И чего тебе не сиделось там у себя в Чикаго?

Он взглянул на свой «Ролекс» и обнаружил, что времени полвосьмого.

– Я не сомкнула глаз, – сказала она. – По-моему, я схожу с ума. В последнее время я сама не знаю что творю.

– Ради всего святого, вздремни немного. Потом встретимся где-нибудь в городе. На свежем воздухе.

– На реке. У лодочной станции. Неподалеку от Бойлстона. Спросишь у кого-нибудь, где это. В полдень.

– Я буду.

– Пол. Пожалуйста, приходи один. Без человечков в шинелях.

Глава 9

Улу Бег сидел рядом с черным мужчиной. Он убедился, что с черными проще всего. Всю дорогу от Эль-Пасо до Форт-Уэрта по бесконечной однообразной равнине он ехал с белым, который говорил, не умолкая. В речи его то и дело мелькали бесконечно далекие от Улу Бега понятия, смущавшие его: «Сперз», проценты по закладным, цены на бензин, «Ойлерз»,¹⁸ Джонни Карсон,¹⁹ родительский комитет, прибрежные участки, лающие собаки. Он улыбался и усердно кивал все несколько часов путешествия, и когда наконец освободился, то обнаружил, что одеревенел, покрыт липкой испариной и весь дрожит.

Поэтому Улу Бег стал выбирать черных. Рядом с черным можно было сидеть часами и не услышать от него ни слова. Он просто тебя не замечал. Сидел, замкнувшись в ожесточенном молчании, погруженный в свою горечь. Что-то в них привлекало Улу Бега. Может, они были американскими курдами? Ведь, как и курды, то был многочисленный и красивый народ, настойчиво стремящийся сохранить свою самобытность. В них было достоинство и исламская неторопли-

¹⁸ «Сперз» – баскетбольная команда НБА. «Ойлерз» – хоккейная команда НХЛ.

¹⁹ Джонни Карсон – американский комедийный актер, звезда разговорного жанра.

вость, которую он понимал. И они скептически относились к окружающей их Америке, он это чувствовал. Однако черные и не думали уходить в горы, чтобы бороться. Интересно почему? Может, это как-то связано с музыкой, звучавшей из громоздких приемников, которые они носили с собой повсюду.

За окном автобуса проплывал Арканзас, плоский и зеленый.

Чернокожий сосед пошевелился. Это был крупный молчаливый мужчина с маленькими сердитыми глазками на широком лице. Он зашуршал газетой, которую читал. Улу Бег видел заголовки: «Четырехкратный пленник НЛО», «Салли Берт: все по второму кругу?» «Шерил Лэдд: Дэвид избивал меня».

Улу Бег попытался устроиться поудобнее. Он не привык подолгу сидеть. В своей жизни он сидел неподвижно крайне редко. Он переложил рюкзак, который вез на коленях, вместо того чтобы убрать на багажную полку, неуклюже заерзал. Его локоть задел развернутую газету чернокожего.

– Простите, – извинился он и еще больше вжался в свое сиденье.

Черный демонстративно расправил и перевернул страницу, тем самым заявив свое право на еще большую часть пространства.

Улу Бег устремил взгляд мимо него, за окно.

Арканзас. Затем Кентукки, Теннесси. Потом Огайо. По-

том...

Названия были непривычные, а края и того непривычней. Он почти не отваживался произносить эти названия, хотя упорные занятия значительно улучшили его английский. Это странное бестолковое путешествие по американской глубинке, по ничем не примечательным грязным городкам, которые были все на одно лицо, накрепко врезалось ему в память. Он находился в пути уже много дней, и еще больше оставалось до окончания.

«Спешить тебе некуда, – наставляли его. – Лучше лишний раз перестраховаться. Три уверенных шага назад предпочтительнее одного неверного шага вперед».

Скоро Литл-Рок. За ним Мемфис, потом Боулинг-Грин. Автобусы, поезда, но ни одного самолета. Американцы безумно боятся воздушных пиратов, террористов, убийц, так что для человека с пистолетом нет в Америке места опаснее, чем аэропорт.

Лексингтон, Хантингтон. Всюду одно и то же. Подъезжаешь к автовокзалу поздно ночью или, если автобус приходит днем, дожидаясь наступления темноты. Потом непременно найдется небольшой отельчик, готовый приютить путников, у которых не слишком много денег, путников без прошлого и будущего. «Для транзитников» – будет написано на вывеске. Снимаешь недорогой номер. Выходишь из него только поесть. Питаешься исключительно в мелких ресторанчиках, где нет нужды заказывать изысканные блюда. Жи-

вещь несколько дней. Если больше трех, то переселяешься в другой отель. Потом едешь дальше.

Улу Бег уже стал знатоком такой жизни и мест, которых она требовала. В отелях было полно стариков с потухшими глазами. Они брызгали слюной и воняли спиртным. Эта Америка не пахла властью и богатством, это было негостеприимное место, ничем не отличающееся от трущоб любой другой страны, в особенности для одиноких людей с проблемами: без денег, без дома, без работы. Ненависть была через край. Эти мужчины без женщин жили и питались своей ненавистью. Они ненавидели черных – которые отвечали им тем же, ненавидели «иных» – загадочный остаток человечества, который они не в состоянии были понять, но который, похоже, обладал необходимыми навыками для того, чтобы неплохо жить. Они ненавидели детей, у которых было будущее, и ненавидели женщин – за то, что те не желали с ними встречаться; они ненавидели друг друга и ненавидели самих себя.

И все же, по-видимому, они не замечали Улу Бега, а если и замечали, то из-за того, что он не попадал ни под одну категорию, не могли его ненавидеть. Они его игнорировали.

«ПЛАСТИЧЕСКИЙ ХИРУРГ, СДЕЛАВШИЙ НЕКАЧЕСТВЕННУЮ ГРУДЬ, ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ».

«Я УБИЛА СВОЕГО РЕБЕНКА, ПРИЗНАЕТСЯ

МАТЬ МЛАДЕНЦА, УМЕРШЕГО В КОЛЫБЕЛИ».

«МЕКСИКАНСКИЕ ВРАЧИ ОТКРЫЛИ НОВОЕ
ЛЕКАРСТВО ОТ РАКА».

Они были правы. Они не могли подготовить его к Америке. Ничто не могло бы подготовить его. Его подготовили ко многому, но не к этой ненависти. Он словно никогда и не покидал опасных улиц, наводненных оружием гор, охваченного огнем перестрелок Ближнего Востока. Здесь тоже шла война. Старики в отелях, насквозь пропахших дезинфекцией и кишачих клопами, которые кусали тебя по ночам – как дома. Черноекожие, угрожающе кучкующиеся на углах улиц – как молодые бандиты-ханафи в суннитской зоне. Одинокие старые негры, которые передвигались так медленно, как будто заметили поджидающую их в конце квартала смерть. Женщины, одновременно соблазнительные и враждебные. Неужели все они шлюхи? Раскрашенные, в точности как багдадские проститутки, тычущие тебе в глаза своими бедрами, грудями и пухлыми губами. И все же от них веяло каким-то колючим страхом. Но хуже всех были белые.

Хозяева мира? Властелины, императоры? Покорители Луны?

Никогда еще он не видел таких угрюмых и слабых властелинов. Бесславие хуже смерти, говорили у курдов. Курдистан или смерть, говорили у курдов. Жизнь проходит, слава остается, говорили у курдов.

Ни один американец не мог бы сказать ничего подобного. Америка – гибнущая Оттоманская империя, Византия, такая же алчная, такая же бессильная. А ее жители ничем не лучше погрязших в грехах турок прошлого.

Американцы истекали потом, такие они были жирные. На своих собственных улицах они казались не хозяевами, а съемщиками, взявшими их в аренду за баснословную плату. Бог ничего не готовит для них, потому что Бог их не видит.

Или, может быть, все дело было в погоде, или в городе. Как бы то ни было, в городах, которые он проезжал, воздух казался сизым – сизым от курящихся дымков, от поднимающегося пара, сизым от ночных отсветов огромных ламп, сизым от ненависти. В любой миг он грозил разлететься на куски, и тогда эти группировки начнут на улицах охоту друг на друга. Бейрут, Багдад, Тегеран, Тебриз – все это случалось в его части мира сотни раз, ненависть бешено клочкотала до тех пор, пока в один далеко не прекрасный день этот нарыв не прорывался и она не выплескивалась на мостовые. И здесь все будет точно так же. Вот о чем говорило все вокруг. А таких, как Джарди, ему что-то не попадалось.

Америка лишилась своих Джарди. Отвергла их, оттолкнула, изжила, изничтожила, предала анафеме по какой-то немыслимой причине.

В своем путешествии он не видел Джарди – того духа, который тогда, в горах, представлялся ему самой сутью Америки, а оказался, пожалуй, всего-навсего самой сутью Джар-

ди. Джарди всегда подстегивал их.

Но Джарди их предал.

Джарди, Джарди. Почему?

Голова у него гудела. Измена Джарди была как насмешка.

Джарди, ты был мне братом. Джарди, я любил тебя. В тебе было благородство, Джарди, ты не мог так поступить.

Почему, Джарди? Кто завладел тобой, Джарди, кто отнял тебя от нас, кто натравил тебя на нас? Ты скорее умер бы, Джарди, чем предал нас?

Один раз ты подарил жизнь, Джарди. Ты подарил жизнь моему сыну, Апо. Зачем же ты потом отнял ее, брат мой?

– Литл-Рок, ребята. Городской автовокзал, осталось минут десять. Не забывайте свой багаж.

Пассажиры зашевелились.

Улу Бег выглянул в окно: еще один бездушный сизый город.

– Да уж, твою мать, самое время, – буркнул чернокожий сосед и перевернул очередную страницу газеты.

«ЧУДОДЕЙСТВЕННЫЕ ЭНЕРГЕТИЧЕСКИЕ
ПИЛЮЛИ ВОЗРОЖДАЮТ ЖИЗНЕННЫЕ СИЛЫ».

«СТРЕЙЗАНД СЫГРАЕТ В ФИЛЬМЕ
РЕДФОРДА».

«СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ ДОЛЖНЫ
ПРОДЕМОНСТРИРОВАТЬ ВОЛЮ, ЗАЯВЛЯЕТ ДЖО
ДАНЦИГ».

Глава 10

Тревитта не покидало ощущение, будто он присутствует на аудиенции у Линдона Джонсона.²⁰ Рослый старик, чья мифицированная кожа никогда не потела, с кулачищами размером с хороший окорок, глазами как бритвы и неизменным пистолетом в кобуре, горячо ратуящий за немногословную справедливость по-техасски: без лишних слов, огнем и мечом. Подобные личности, подобные образчики человеческого обаяния всегда были для Тревитта погибелью. Они завораживали его, и он утрачивал бдительность, а это было неразумно и опасно. Вернон Телл был инспектором пограничного патруля США, начальником погранпункта в Ногалесе, штат Аризона. Он пытался объяснить Тревитту с Биллом Спейтом, которые сидели у него в кабинете под сомнительной легендой следователей Бюро по контролю за продажей алкоголя, табачных напитков и огнестрельного оружия при Министерстве финансов, интересующихся незаконным применением автоматического оружия, как мало зацепок в деле об убийстве двух его подчиненных, совершенном одиннадцатого марта. На нем были гигантские очки с желтоватыми стеклами, а такой короткий ежик, как у него, Тревитт видел впервые в жизни.

²⁰ Линдон Джонсон (1908–1973) – тридцать шестой президент США (1963–1969).

Тревитт щурился от жары, пытаясь разложить все по полочкам. Очевидно, разговор достиг кульминации, поскольку и грузный старый пограничник, и Билл Спейт поднялись. Тревитт почувствовал, что положение выходит из-под контроля, и ощутил настоятельную потребность вновь вернуть себе верховенство, если оно вообще когда-нибудь у него было, – но против воли тоже встал, поддавшись стариковскому магнетизму Вернона Телла и желанию продемонстрировать этому зануде Спейту, что он не растерялся.

Старый офицер вдруг обернулся к нему и спросил:

– Был во Вьетнаме, сынок?

Тревитт вздрогнул и немедленно почувствовал себя как на экзамене.

– Нет, сэр, – ответил он.

– Ну, – сказал Телл, на чьей травянисто-зеленой униформе не образовалось ни складочки, несмотря на то, что кондиционер у него в кабинете не работал и Тревитт со Спейтом давным-давно испеклись в своих костюмах, – я потому спрашиваю, что ночами здесь, как во Вьетнаме.

Он махнул в сторону окна, за которым под ослепительным безоблачным небом простирался типичный пейзаж юго-запада – миля за милей низкорослая поросль, пустыня и горы, среди которых затесался случайный знак какой-то придорожной забегаловки.

– Они привозят пушки и дурь и, понятное дело, просто незаконно ломаются через границу. Летят самолетами, едут

на джипах, идут пешком. Тут иной раз такое творится, что за голову впору хвататься.

– Уверен, работенка у вас нелегкая, – беспомощно сказал Тревитт.

– Идемте, – пригласил их Телл.

Он двинулся вперед по сверкающему коридору под взглядами многочисленных официальных портретов и провел их через зеленую двустворчатую дверь. За ней оказались ворота, которые старый полицейский проворно открыл. Они очутились еще в одном коридоре, и чем дальше они в него углублялись, тем сильнее становились духота и дискомфорт. По обеим сторонам тянулись пустые камеры, но у них была иная цель: в конце коридора в аккуратной конурке сидели двое пограничников в форме.

– Ну, как сегодня наш малыш? – осведомился Телл.

– Почти без изменений, сэр.

– Эти господа приехали с самого восточного побережья, чтобы поговорить с ним.

Открылась еще одна дверь, и за ней обнаружилась комната полутюремного типа, потайная каморка. В камере валялся на койке один-единственный парнишка-мексиканец, тощий и угрюмый.

– Вот наш улов, – сказал Телл. – Его зовут Гектор Мурильо. Ему шестнадцать лет, он из деревушки Хайтцо милях примерно в ста от Мехико. Кто-нибудь из вас говорит по-испански?

Тревитт и Спейт покачали головами.

– Мы считаем, что Гектор перешел границу вчера ночью. Остальные полегли в пустыне, вернулись на свою сторону или благополучно скрылись. Но по следам на месте преступления мы определили, что границу перешли по меньшей мере семеро. Один из них, тот, который стрелял, был в сапогах. Мы до сих пор пытаемся установить производителя.

– Ну и какую жалостную историю он рассказал? – отрывисто спросил Билл Спейт, утирая лицо промокшим платком.

Он посерел от жары, волосы обвисшими прядями липли ко лбу. В кабинете он был веселым и дружелюбным, но жара все-таки доконала и его.

– Как ни забавно, никакую. Нашли его, полумертвого от жажды и на грани помешательства, в горах, через неделю после перестрелки. Говорит, что ничего не помнит. Гектор! Como esta la memoria?²¹

– Esta nada.

Nada. Ничего.

Угрюмый парнишка взглянул на них с полным отсутствием интереса, потом повернулся и элегантно харкнул в жестянку из-под кофе, после чего уткнулся лицом в стену.

– Ох уж эти мексиканские ребятишки. Гвозди бы из них делать, – хмыкнул Телл. – Но если в нашем деле не случится какого-нибудь прорыва, ему светит обвинение в соучастии в убийстве первой степени по кодексу штата и нарушении

²¹ Как память? (исп.)

гражданских прав двух моих ребят по федеральному кодексу.

– Господи, – ахнул Тревитт, – он ведь совсем ребенок! – И по яростному взгляду Спейта понял, что сделал ошибку.

– Они там, по ту сторону забора, взрослеют быстро.

– Мексиканские власти какую-нибудь помощь оказывают? – поинтересовался Спейт.

– Как обычно. Цветы вдовам и извинения. Ну, высадят двери в паре-тройке борделей в Ногалесе.

– Есть какие-нибудь соображения, кто мог их переправить?

– Мистер Спейт, в мексиканском Ногалесе найдется десятка два с лишним контор, которые переправляют товар – будь то нелегалы или наркотики – в Лос-Эстадос. И еще сотни одиночек, любителей, совместителей и вовсе случайных людей. Спросите у Гектора.

Но юный мексиканец даже не взглянул на них.

– В былые времена он бы у нас заговорил, как миленький, – сказал Телл. – Но нынче все изменилось.

Однако Тревитт, разглядывавший парнишку в кедах, синих джинсах и грязной футболке, этого мнения не разделял. Такого хоть месяц лупи, все равно ничего не выжмешь; крепкий орешек, гвозди можно делать, как выразился старый пограничник. Тревитт содрогнулся от ощущения тяжести на душе. Он пытался представить, что сделало этого парнишку таким отрешенным, пытался вообразить себе его детство в

каких-нибудь мексиканских трущобах. Но его воображение не шло дальше избитых образов дебелых смуглых матрон, тортилий и людей, поголовно облаченных в белые одеяния мексиканских крестьян. И все же этот мальчишка его тронул.

– Ладно, мистер Телл, – сказал Спейт, – спасибо, что уделили нам время.

Наверное, ему хотелось поскорее вернуться в бар в мотеле, к своему рому с колой. Тревитт никогда еще не видел, чтобы человек пил столько рома с колой.

– Рано или поздно Гектор надумает побеседовать с нами, – пообещал начальник. – Я вам звякну.

– Как думаете, можно нам взглянуть на вашу картотеку контрабандистов и проводников? – попросил Спейт.

– Не вижу причин для отказа, – пожал плечами Телл.

Они развернулись и вышли, и Тревитт двинулся было следом. Но на него вдруг накатила острая жалость к этому ершистому храброму мальчишке, такому одинокому в американской тюрьме, в ожидании безрадостного будущего.

Парнишка поднялся и сидел на койке, разглядывая Тревитта. Его темно-карие глаза не выражали никаких чувств. Двое старых служак за стеной были увлечены непринужденной болтовней о добрых старых временах, о том, как все было в прошлом. Но Тревитт в камере задыхался под бременем настоящего, всего того, что происходило в этот самый миг. Ему отчаянно хотелось помочь мальчишке, как-то его

утешить.

Надо было тебе идти в социальные работники, сказал он себе с отвращением. Этот маленький бандит перерезал бы тебе глотку за твои часы, будь у него такая возможность.

Но перед глазами у него встала картина: Гектор и его товарищи, под покровом ночи пробирающиеся в каком-нибудь грузовике или фургоне на пути к чему-то такому, что смутно казалось им лучшей долей. Должно быть, они несколько часов просидели бок о бок с курдом, с этим странным высоким человеком. Что они о нем думали?

Мальчишка смотрел на него холодным взглядом и, наверное, видел лишь очередного полицейского-гринго. Тревитт понимал, что снова допустил оплошность. Надо уходить, нечего ему здесь делать. Ему стало не по себе. Он развернулся, чтобы уйти – и тут его, словно по волшебству, озарила блестящая идея.

– Гектор, – сказал он.

Глаза мальчишки остались холодными, но впились в него. Где-то за стеной послышался громкий голос Спейта, и надзиратель с охранником расхохотались. Интересно, они заметили его отсутствие? Сердце у Тревитта гулко бухало.

Перед глазами у него встало лицо – оно реяло в воздухе, словно насмехаясь над ним. Это было лицо высокого светловолосого мужчины, широкоскулое, с горящими глазами и крупным носом. Он видел его на стене. Это был портрет, который их художник нарисовал по старой фотографии Улу

Бега.

Светловолосый. Высокий. Ни на кого не похожий.

Тревитт произнес на испанском, знание которого совсем недавно отрицал:

– Я друг высокого *porteamericano* с желтыми волосами. Того, который был с пушкой. Он знаменитый гангстер. Он благодарит тебя за молчание.

Мальчишка настороженно смотрел на него.

Тревитт слышал, как они смеются, старина Спейт и старина Телл, два благодушных старика. Неужели его до сих пор не хватились?

– Вас предали, – на ходу пустился выдумывать Тревитт. – Предал человек, который привез вас к границе. Высокий хочет мести.

Он надеялся, что правильно вспомнил слово «месть» – *la venganza*.

– Скажи ему, пусть прирежет эту свинью. Убьет его. Выпустит ему кишки, – хладнокровно заявил мальчик.

– Высокий гангстер-*norteamericano* позаботится об этом, – пообещал Тревитт.

– Скажи ему, пусть убьет эту свинью Рамиреса, по милости которого мой брат умер в пустыне.

– Договорились, – сказал Тревитт и вихрем метнулся к выходу.

Рамирес!

Его так распирало от идей, что он дрожал. Он не в силах был перестать думать.

— Ладно, — проговорил он, — я считаю, нужно доложить об этом Вер Стигу. К черту телеграммы. Думаю, достаточно позвонить. Потом можно будет вступить в контакт с мексиканской разведкой — я уверен, у нас есть друзья в Мехико, которые знают к ним подходы, — и получить разрешение на то, чтобы там покрутиться. Тогда...

Билл Спейт не слушал. Он задумчиво уткнулся в свой ром с колой. И это еще до полудня!

— Билл, я говорил...

— Понял, понял, — кивнул Спейт и отхлебнул из бокала.

Тревитт знал, что когда-то он подавал большие надежды, ему прочили блестящее будущее, хотя сейчас поверить в это было трудно. Вид у него был неважный, и он явно не хотел, очертя голову, бросаться в какую-то авантюру.

— Пожалуй, ты прав, — сказал он. — Это отличная идея, просто великолепная. Но возможно, нам стоит пока повременить с этим. Подождать немного.

— Но почему? — настаивал Тревитт.

Они сидели в полутемном баре, последнем убежище от пустынного солнца, которое, казалось, в один миг вытравило все краски дня. До границы было рукой подать. Тре-

вигт мельком видел ее несколько минут назад; она походила на Берлинскую стену с колючей проволокой, шлагбаумами и кабинками пограничников. А за ней лачуги, облепившие неожиданно высокие холмы, немногочисленные тесные и узкие улочки. Мексика.

– Ну... – Билл замялся.

Тревитт ждал.

– Во-первых, никогда не стоит поднимать шумиху вокруг того, что тебе удалось узнать. Во-вторых, никогда не стоит спешить. В-третьих, я старый человек, а день сегодня жаркий. Давай просто погодим, обмозгуем все как следует, а вечером посмотрим на это дело свежим взглядом.

– Да. Но порядок таков...

– Мне известны все порядки, Джим.

– Просто я подумал...

– Чего бы мне хотелось – ты тоже можешь присоединиться, если хочешь, вдруг это покажется тебе интересным, – чего мне бы хотелось – немного покрутиться на месте, не поднимая лишнего шума. Посмотрим, что нам удастся вывести неофициально.

– В Мексике? Вы хотите отправиться в Мексику? Но у нас же нет никаких инструкций...

– Каждый день на ту сторону отправляются тысячи туристов. Просто переходишь границу, а потом возвращаешься обратно, и все. Ничего необычного.

– Не знаю, – протянул Тревитт.

В Мексику? Все это немного его пугало.

– Поедем туристами. Turistas. Купим каких-нибудь сувениров, пройдемся по клубам, развлечемся.

В конце концов Тревитт кивнул.

– Turistas, – повторил старый Билл еще раз.

Глава 11

Он ждал у огромной старой лодочной станции, громадины в викторианском стиле; было ясно и свежо, почти по-осеннему, ветер рябил речную воду. Какой-то гарвардский клоун в лодке усердно работал веслами, и Чарди смотрел, как он гребет по течению к следующему мосту, мерно сгибаясь и разгибаясь, сгибаясь и разгибаясь. Гребец развил на удивление хорошую скорость и вскоре исчез под аркой, но к тому времени взгляд Чарди уже был прикован к приближающейся женской фигурке.

Казалось, она целую вечность идет по мыску пожухлой травы, который отделял принадлежащие нескольким гарвардским семействам особняки в георгианском стиле от холодных вод реки Чарльз. На ней были джинсы, натянутые поверх сапог, и уже знакомый ему твидовый жакет и свитер с воротником-хомутом. Волосы она упрятала под вязаную шапочку. Джоанна надела темные очки и не накрасилась. Вид у нее был более суровый, пожалуй, более богемный и определенно более профессорский, чем вчера вечером.

Чарди двинулся ей навстречу.

– Ты поспала?

– Все нормально, – ответила она без улыбки.

– Идем к тому мостику.

У него болела голова, и он немного нервничал. Мимо про-

трусил бегун в меховых наушниках, потом в противоположном направлении промчался велосипедист на новомодном велосипеде с низким сиденьем. Они дошли до моста и свернули на него, миновав деревья, едва пробудившиеся от зимнего сна.

Чарди облокотился на каменный парапет, морщась от пронизывающего ветра; у него ломило уши. Он был без перчаток – оставил их где-то. Пол всем своим существом ощущал рядом Джоанну. Она обхватила себя руками, вид у нее был замерзший.

Он придирчиво осмотрел левый берег, улицу Мемориал-драйв, выходящую между деревьями. По ней неслись машины. Потом оглянулся направо, на дорогу, носящую название Сторроу-драйв, и изучил поток транспорта на ней.

– Вроде бы все в порядке, – заключил он.

– Чего ты опасаться?

– У них есть параболические микрофоны, которые улавливают твою речь с двухсот футов. Но для них нужна уйма разнообразного оборудования, а значит, грузовик или фургон. Я искал стоящий где-нибудь поблизости неприметный грузовик или фургон.

Чарди посмотрел на воду.

– Думаю, – сказал он, – мне показали лишь небольшую часть операции. Я считаю, что она значительно серьезней, чем мне обрисовали. Я пока еще точно не знаю, что они затеяли и насколько больше им известно, чем они говорят. Я

работаю с каким-то придурком, в котором нет ничего человеческого, болваном из Лиги Плюща и сопляком, который витает в облаках. Все должно быть серьезней. Я просто знаю, что должно. И кто-то следит за всем.

«Сэм, – подумал он. – Сэм, готов поручиться, что без тебя здесь не обошлось».

– Здесь можно разговаривать? – спросила она.

– Если они действительно захотят засечь тебя, они это сделают, как ты ни изворачивайся. Но они сейчас не слишком высокого мнения обо мне. Так что разговаривать можно.

– По твоей милости я провела совершенно кошмарную ночь, Пол.

– Прости.

– У меня есть какой-нибудь выбор?

– Никакого. Если Улу Бег для тебя что-нибудь значит.

– Меня выводит из себя, что у нас нет выбора.

– Меня тоже. Но тут уж ничего не попишешь.

Дул сильный ветер; Чарди повернулся к нему спиной, взглянул на излучину реки. Давешний гребец боролся с течением, пытаясь вернуться к лодочной станции.

– Ты нанес нам страшный удар, Пол. Страшный удар.

– Всякое бывает, – сказал Чарди. – Ты делаешь все, что можешь, но иногда этого все равно недостаточно. Я просто попал в переплет, с которым не смог справиться. Я отдал бы все, что угодно, отдал бы свою жизнь, чтобы получить возможность прожить все заново. Но что случилось, то случи-

лось.

Теперь ветер разбушевался не на шутку, и на реке поднялось небольшое волнение.

– А что, в Бостоне весны не бывает? – спросил он.

– Разве что в июне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.